

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Сокол и Ворон

Совиная башня

Птицы Великого леса

Ульяна Черкасова

СОВИНАЯ БАШНЯ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Иллюстрация на переплете *Лидии Магоновой*

Иллюстрация на авантитуле *Нади Совы*

Иллюстрации на форзацах *Анастасии Осемеж*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Черкасова, Ульяна.

Ч-48 Золотые земли. Совиная башня / Ульяна Черкасова. — Москва : Эксмо, 2022. — 608 с.

ISBN 978-5-04-159741-2

Богиня-пряха сплетает нити судеб в тугой узел.

Одна нить — для лесной ведьмы, отвергающей свою судьбу. В городе без чар Даре так же опасно, как и в Великом лесу, но это единственное место, где она может укрыться от древних богов.

Вторая нить — для чародея, который пытается судьбу обмануть. Милош одержим желанием мести, но ненависть разрушает его самого.

Третья нить — для княжича, который своей судьбы боится.

Потеряв любимую, Вячко пытается найти новую цель в жизни, но, возможно, она всегда была ему известна.

Четвертая нить — для слуги, который судьбе повинуется.

И именно его, Ежи, боги выбрали, чтобы раскрыть тайны, которые таит Совиная башня.

Колесо прялки делает оборот, богиня-пряха крепко держит нити. Любую из них она может легко оборвать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Черкасова У., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159741-2

Ваш час сьдзе навечна.
Змые крывёю пачвар¹.

«Памерлыя Божышча»,
Dziuvia

ПРОЛОГ

Великий лес

543 г. от Золотого Рассвета, месяц липень

Запретный лес водил кругами.

Ещё на опушке Катше послышалось, будто издале-ка Ики позвал её по имени. Она даже не подумала, что Ики остался на Мёртвых болотах и никак не мог оказаться здесь. Чары леса уже обрели над ней власть, и девушка побежала на голос, плутая среди деревьев. Заблудиться в лесу оказалось легко. Катша не привыкла к узким звериным тропам и частоколу деревьев. Когда-то давно она так же боялась болот и не понимала их, но болота приняли Катшу, а Ики научил жить и охотиться.

Запретному лесу не по нраву пришлась чужеземка.

Долго она искала Ики, срывалась с места каждый раз, как эхо доносило его голос, и, наконец, от усталости повалилась на землю. Только тогда разум её прояснился: Катша осознала, что лес морочил ей голову.

Солнце стояло ещё высоко, когда изнеможённая девушка беспокойно заснула, но уже спустя лучину открыла

¹ Ваше время уйдёт навеки.

Смоет кровью тварей.

глаза, заслышав странный шум. Пугливо она бросилась в кусты и затаилась. В стороне по узкой звериной тропе прошёл красный конь, верхом на нём сидел всадник весь в красном. Лоб у Катши покрылся испариной, виски пронзили иглы. Охотница заморгала часто-часто, и всадник пропал из виду.

Чары леса были слишком сильны, она не могла им сопротивляться. Как бы его перехитрить?

Кусты в стороне затряслись, послышалось хриплое хрюканье. Кабаны!

Прячась за деревьями, охотница ушла в сторону. Она слышала, как шумела листва, как ветви ломались, когда кабаны прорывались сквозь чащу. Раз за разом она оборачивалась, но не могла разглядеть стадо.

А звук не затихал.

Весь день Катша уходила от погони, а на закате чуть не попала под копыта чёрного коня. Всадник его — такой же чёрный, как и конь — даже не взглянул на девушку. Она замерла, лёжа пластом на земле.

Мощные копыта невесомо прошли по лесной тропинке, трава под ними даже не примялась.

В Запретном лесу Катше не было места — так сказал Ики, об этом предупредил Олоко.

Катша и сама знала, что Хозяину она не по душе. Её народ давно поклялся держаться прочь от Запретного леса. Но с тех пор как Катша покинула пещеры Канманд, она мечтала прийти сюда и задать терзавший её вопрос.

Сияющий Хозяин Лесов молчал, наблюдая со стороны, а его слуги игрались, водили девушку кругами.

Три дня. За три дня Катша потеряла и утратила уже всякую надежду выбраться живой из леса, когда наконец вышла на поляну.

Окружённая древними елями, посреди поляны стояла землянка. Она показалась одинокой, покинутой и всеми

забытой. В этом доме давно потух очаг, а дух-хранитель погрузился в глубокий сон. Дом был мёртв.

Катша ступала по поляне, прислушиваясь к новым ощущениям: как мох проседал под ногами, как шумели ели над головой, как тёплый ветер ласкал лицо.

Дышалось в Запретном лесу иначе, чем на болотах: сладко дышалось, свободно. Обессиленная Катша рухнула на колени прямо перед входом в землянку, коснулась травы рукой. Мягко.

В стороне мелькнул чёрной лентой уж, скрылся в кустах.

И Катша разрыдалась.

Она не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Когда покинула родных или многим позже, когда умирала от голода на болотах? Духи предков послали к ней Ики, спасли от верной смерти. И духи помогли исполнить клятву, привели в Запретный лес.

Катша плакала тихо, глотая вырывающиеся из груди всхлипы. Она привыкла, что нужно не шуметь и быть осторожной. На болотах эта привычка не раз спасала ей жизнь.

– Он не заговорит с тобой, – раздался голос со стороны и тут же отозвался с другого конца поляны:

– *С тобой... ой...*

Катша вскинула голову, натянула тетиву лука.

– Но он хочет знать, зачем ты здесь?

– *Здесь... э-с-сь...*

Сколько бы ни смотрела Катша по сторонам, сколько ни вглядывалась в ельник – никого не было видно. А голос кружил вокруг, скакал с одного края поляны на другой.

– Твой народ изгнан. Чего ты хочешь?

– *Хочешь... э-ш-ш...*

Катша сглотнула, с трудом проговорила:

– Я хочу просить о прощении. О позволении вернуться.

– И как же вернётся твой народ? Хозяин испепелит вас, если увидит в истинном обличье.

Голос звучал из ниоткуда и отовсюду одновременно. Катша опустила лук, убрала стрелу обратно в колчан. Кем бы ни был лесной дух, он не желал её обидеть. Пока что...

– На наших землях живут чужие люди, мы заберём их кожу.

Лес замолчал. Тихо стало вокруг. В груди у Катши растаял страх, сжимал её горло, и она всё ждала, что смерть обрушится с небес – прямо с невыносимо далёких верхушек елей – и накажет Катшу за её дерзость.

– Нет. Это нарушит порядок. Нельзя.

– Но...

Катша вскрикнула в отчаянии, но побоялась возразить. Духи не меняли своих решений.

– Оставайся на ночь, – печальный вздох прокатился по поляне. – На одну ночь. Согрейся. Поспи. На рассвете возвращайся на болота.

– *Уходи-и-и*, – в последний раз разнеслось эхо.

Катша застыла, и сердце ухнуло вниз.

– Нет, – выдохнула она. – Нет, подожди!

Она звала и звала, умоляла вернуться, выслушать её горе, смилостивиться над стариками и детьми, над юношами и девушками, что жили во тьме, никогда не видя солнца. Но лесные духи уже ушли, не желали они знать о чужой беде.

Когда слёзы все пролились на травяной ковёр, когда охотница не почувствовала ничего, кроме пустоты в душе, день уже склонился к вечеру.

Катша прокралась в старую землянку, как дикий зверь в чужую нору. Внутри ей стало тесно и темно, как если бы она снова оказалась в пещерах Канманд, и она вышла наружу.

Охотница набрала воды в ручье, что протекал недалеко от поляны, напилась, после натаскала валежника и разожгла костёр. Сидя у огня, Катша лениво ела копчёную рыбу с лепёшкой и пила отвар из болотных ягод и трав.

Жужжали громко комары, кусали за щёки и шею. Вальщика ненадолго хватило, скоро прогорел огонь. Катше казалось, что она просунула руку в силки и ждала, когда затянется вокруг запястья мёртвый узел. Ей чудились глубокие подземелья, где умирает свет, где краски выгорают из человеческих волос и глаз, и всё становится белым, как снег на вершущах гор.

Вечерний сумрак играл злую шутку со зрением охотницы. Катша смотрела на свою смуглую руку, и ей казалось, что кожа бледнела, истончалась и слезала, подобно змеиной шкуре.

На поляну без всякого страха выскочил заяц. В Запретном лесу было опасно охотиться без позволения Сияющего Хозяина, поэтому Катша поглядела на зверька с сожалением и не притронулась к луку и стрелам. Заяц скоро ускакал прочь.

Дом лесной ведьмы притаился за спиной. Лес вокруг шептал, наблюдая за охотницей. Катша кусала губы, сдерживая горькие слёзы. Отчего духи так добры к пришедшим? Отчего покинули её народ? Чужаки с медовыми волосами украли их земли, украли даже их богов. А люди Катши забыли вкус солнца на коже, скрывшись под каменной глыбой гор.

Она заснула на голой земле, но тёплая оленья шуба не дала замёрзнуть, только комары продолжали назойливо жужжать у самого уха, впиваться в кожу острыми носами.

Катшу разбудил яркий свет. Он вспыхнул посреди ночи высоко в вершинах деревьев и рухнул на землю, разлился по поляне. Точно пламя, он плясал вокруг, танцевал в хороводе, ослеплял. Охотница ожидала, что сгорит заживо в этом огне, но он её не тронул.

Из чистого пламени пролился голос:

— *Чтобы идти вперёд, ты пойдёшь назад. Чтобы стать владычицей, ты будешь служить владыке в огненной короне. Чтобы вернуть жизнь, ты принесёшь смерть.*

Ветер задул яростно, разгоняя морок, и свет вдруг потух, исчез, как будто его и не было.

По-прежнему стояла непроглядная ночь, только звёзды мигали на небосклоне. Катша моргала слепо, привыкая к темноте. Тишина опустилась глубокая, давящая. Но на душе наступил покой.

Как только стало светать, Катша отправилась обратно на восток. Назад, как ей и напороочили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГОНЬ, ЧТО
ПОЖИРАЕТ ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 1

Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю...

«Снегурочка», А. Н. Островский

Рдзения, Совин

543 г. от Золотого рассвета, месяц жовтень

Расчувствовавшаяся Горица долго прижимала к себе Ежи и Милоша, целовала их по очереди в макушки, щёки и уши. Милош устало смеялся, обнимая женщину своими длинными руками, а Ежи молча улыбался.

Весья потянула Дару за собой, вдвоём они проскользнули на кухню, но Горица будто бы их даже не заметила.

— Ох, родные мои, — приговаривала она, не отпуская парней из объятий. — Как я по вам истосковалась. Милош, — она чуть отстранилась, всмотрелась ему в лицо и вздохнула, — ты так похудел, кожа да кости. Ежи, ты что же, совсем за ним не смотрел?

— Ма-ам...

— И что это за девку вы с собой притащили? — Горица отпустила парней, уперев руки в бока. — Ещё одна ратиславка. Они всей Ратиславией к нам, что ли, притащатся?

Ежи потёр грязную шею, он мечтал скорее помыться и наесться до отвала, на разговоры сил не осталось, а разговор предстоял тяжёлый.

— Это сестра Веси, Дара.

Кухарка в ужасе ахнула.

— Дара? Которая прокляла нашего Милоша? Да я ей хребет кочергой сломаю...

И Горица кинулась бы на кухню ломать ведьме хребет, если бы Милош не ухватил её и не удержал на месте.

— Горица, милая, — промурлыкал он ласково на ухо. — Ты же понимаешь, что я должен сделать это сам?

Женщина в недоумении обернулась на Милоша.

— То есть?

— Терпение, дорогая матушка, — попросил он. Милош редко называл Горицу матушкой и обычно только когда нужно было её успокоить или переубедить.

Сработала уловка и на этот раз. Горица недобро ухмыльнулась и коснулась ладонью щеки Милоша.

— Я никогда её не прощу, так и знай. Пусть ведьма оплатит сполна.

— Обязательно. Но пока что она нужна Стжежимиру. Кстати, он у себя?

Милош уже собрался кинуться в мастерскую целителя, но Горица остановила его:

— Господина вызвала к себе княжна Венцеслава. Ей часто нездоровится в последнее время.

Милош замер, вытянулся, как тетива, взгляд его стал пустым.

— Приготовь воды, пожалуйста, — Ежи показалось, что голос друга задрожал. — И мою одежду. Нет, одежду я сам, потом. Пока горячей воды, и побольше.

Стремительно он взлетел вверх по лестнице. Хлопнула дверь его спальни.

— Ох, не отдохнуть тебе даже, — вздохнула мать. — Давай я схожу...

— Я сам.

Ежи взял вёдра и ещё раз чмокнул мать в щёку.

— Сынок, — позвала Горица. — Ты лекарство не забывал принимать?

Ежи спохватился и поспешил сначала наверх, где у него хранился запас лекарств от Стжежимира. Сделав пару глотков, он тут же пошёл к колодцу. Усталость валила с ног, но он радовался возможности хотя бы ненадолго остаться в одиночестве.

Скрывать свои мысли и чувства получалось всё хуже. Веся не сводила глаз с Милоша, а он только забавлялся с ней и сам переглядывался с ведьмой, когда думал, что никто не замечал. Он улыбался ей так же, как улыбался всем девушкам, что рано или поздно отдавались ему. Даже в шутку Милош не смотрел так же очаровательно на Весняну.

И всё-таки она отвергла Ежи.

Всё-таки...

Он сердито потянул за верёвку, поднимая ведро из колодца. Ослабшие натруженные руки задрожали, и Ежи расплескал всю воду. Пришлось снова опустить ведро, и бабы, стоявшие в очереди позади него, недовольно заворчали.

— Что ж это за хлопец, который ведро поднять не может? — хихикнула полная женщина за его спиной.

— Так это ж сынок Горицы, кухарки лекаря Стжежимира. Видимо, совсем дурно она готовит, раз у её сына сил нет.

Бабы загоготали от смеха.

Ежи наконец перехватил ведро за ручку, потянул наверх.

— И муж сбежал от её готовки, и сын скоро помрёт с голоду!

Ведро выскользнуло из рук. Вода пролилась прямо под ноги совиным кумушкам.

— Помолчали бы! — лицо Ежи пошло красными пятнами.

— Да ты как с почтенными женщинами разговариваешь, щенок?! — возмутилась пожилая служанка Пшемыслава Толстяка.

— Где ты тут видела почтенных женщин, старая гадюка? — раздался ворчливый голос в стороне.

Ежи вскинул голову, чтобы посмотреть на своего защитника, и тут же согнулся в почтительном поклоне.

— Господин Стжежимир, — проговорил он. — Да озарит Создатель твой путь!

Целитель был явно не в духе. Ежи не сразу понял, что Стжежимир не ждал так скоро их возвращения. Он ведь ничего не знал о том, что случилось в Гняздеце.

— Что стоишь? — нахмурился Стжежимир.

— Милош попросил набрать воды для мытья, — растерялся Ежи.

— Тогда поторопись.

Целитель не стал его ждать и пошёл по улице Королевских мастеров с завидной для его возраста лёгкостью.

Женщины обиженно надулись, глядя вслед старику.

— Ишь какой, — фыркнула одна.

— А всё потому, что бабы хорошей так и не нашёл.

— Так какая баба к нему, скотине злобливой, пойдёт?

Ежи вздохнул и в третий раз опустил ведро в колодезь. На этот раз, слава Создателю, у него всё получилось.

Ходить за водой пришлось не раз. Когда Ежи наконец наполнил бочку для мытья, то не чувствовал рук и задыхался, в груди точно застрял ком пыли.

Милош стянул через голову драную рубаху и только тогда заметил, как побледнел его друг.

— Иди-ка сюда, — велел он, нетерпеливо подзывая движением руки.

— Не надо, — слабо засопровтивлялся Ежи.

— Да ладно ты, как будто в первый раз.

Ежи родился слабым, так говорила Горица. Многие младенцы умирали в голодные послевоенные годы, но ему повезло появиться на свет в доме Стжежимира. Королевский целитель вытянул тонкую ниточку его жизни прямо из-под острых ножниц богини-пряжи, но лезвия, видимо, успели задеть нить, и лёгкие мальчика пострадали. Они бы сгнили в его теле, если бы не Стжежимир. Стоило случайно пропустить один приём лекарства, и Ежи сразу тяжело становилось дышать, внутри сжималось всё в комок и умирало. Только заклятия и снадобья удерживали жизнь в теле Ежи.

Поэтому Горица каждое утро и каждый вечер ходила в храм, чтобы отмолить страшный грех колдовства. Мать ненавидела чародеев, но её единственный сын не мог выжить без их помощи.

Милош тоже научился поддерживать здоровье Ежи с помощью чар.

— Давай помогу, это быстро.

Он протянул руки. Золотые искры вспыхнули на кончиках пальцев.

— Я уже выпил лекарство, — Ежи поставил ведро в угол. — Ты и сам с ног валишься. Лучше я пойду посплю.

Он поспешил уйти в их общую с матерью спальню. Горицы там не оказалось, но это было и не удивительно: солнце ещё высоко стояло над Совином, у единственной женщины, прислуживавшей в доме лекаря, было много хлопот.

Ежи стянул рубаху. Обереги на шее зацепились за ворот, и пришлось поправить их на груди. Взгляд задержался на совином знаке. Где-то на Трёх Холмах до сих пор лежал проклятый чародей и ждал помощи. Но что Ежи мог сделать? К Совиной башне даже подойти было страшно, да и не осталось там никого.

Если только попросить Стжежимира...

Обычно Ежи старался не беспокоить господина зря. Он вообще старался не попадаться ему на глаза лишний раз, но можно было попробовать для доброго дела. Да, он сделает это чуть позже, когда всё наладится. Пообещав это самому себе, Ежи залез под одеяло, не заботясь ни о грязном теле, ни о пустом животе. Лекарство, выпитое ранее, подействовало. Дышалось ему легко.

Дара с остервенением тёрла кожу жёсткой щёткой. Веся мылила волосы в стороне, они переглядывались молча, не в силах говорить, а после помогали друг другу смыть мыльную пену, улыбались, понимая друг друга без слов.

— Тебе понравится Совин, и к дому ты привыкнешь. Господин Стжежимир грозный, но отходчивый, а Горица похожа на маму, — проговорила Веся.

— Чем?

— Она много ругается, потому что несчастна.

Когда грязь, кровь, а вместе с ними и усталость были смыты, Дара поспешно переделалась в чистую рубаху и простое рдзенское платье, короткое мгновение потосковала по княжеским нарядам. Всего две седмицы прошло с её побега из Златоборска, но жизнь успела перевернуться с ног на голову.

На кухню пришла Горица, оглядела Дару мрачно и, не сказав ни слова, занялась готовкой. Вся осталась ей помогать. Помощи от Дары явно никто не ждал, поэтому она закрутила волосы назад, чтобы не мешались, и вышла из кухни, не дожидаясь сестры.

Дом королевского целителя ничем не походил ни на родную избу в Заречье, ни на княжеский дворец, ни даже на мазанку Воронов. Всё там было иначе, всё чудно. Дара оказалась в маленьком закутке, из которого на улицу вела тяжёлая деревянная дверь, а другая — поменьше — в неизвестную комнату.

Но куда больше заинтересовала Дару узкая лестница наверх. Она ступила на первую ступеньку, поднялась на вторую и, запрокинув голову, взгляделась в проём, когда услышала стук двери и чьи-то шаги.

Дара стремительно сбегала по ступеням и смиренно встала у двери, сложив перед собой руки.

Милош, заметив её, замер посередине лестницы, прищурился подозрительно.

— Больно у тебя покорный вид. Что натворила?

— Ничего, — сверкнула глазами Дара.

Он был на загляденье хорош, почти так же, как при их первой встрече, хотя долгая болезнь и усталость оставили отпечаток на красивом лице. Милош оделся в чёрное с серебром. В левом ухе сверкала зеленою знакомая серьга.

Он заметил её взгляд.

— Между прочим, из-за тебя дырка в ухе заросла, мне сейчас пришлось самому себе заново иглой мочку протыкать, — недовольно сказал Милош. — Это, знаешь ли...

На языке так и вертелся едкий ответ, но Дара вместо этого спросила:

— Куда ты идёшь?

— По делам, — он спустился с лестницы, прошёл мимо и уже потянулся к ручке входной двери, когда соседняя — та, что была поменьше — распахнулась.

На пороге стоял бородатый старик с лохматыми, что беличьи хвосты, бровями. Старый жупан сидел на нём криво, да и подол был заляпан чем-то чёрным.

Он стрельнул глазами из-под густых бровей на Дару, скривил губы.

— Это дом королевского целителя, а не дом наслаждений. Сколько девок вы с Ежи ещё притащите? Раньше ты хотя бы за порог их не пускал, — обратился он к Милошу.

Тот выглядел растерянным.

— Здравствуй, учитель, — произнёс он. — Я думал, что ты ушёл по делам... хотел найти тебя и помочь.

— Сам справился, приходится как-то крутиться, пока ты по лесам, по полям летать изволишь. Когда обратился?

— Сегодня пятый день.

— Как?

— Она расколдовала, — Милош указал на Дару пальцем.

Стжежимир тут же оказался рядом, прищурился и уставился Даре в лицо, так же резко присел, разглядывая её шею, грудь и живот так внимательно, как если бы она была лошадьё, а он покупал её на торгах.

Под конец осмотра он хмыкнул то ли довольно, то ли сердито.

— Ты смотри-ка, сияет совсем как ты. За мной. Оба!

Дара обернулась на Милоша, желая понять, что задумал чудной старик, но вдруг входная дверь распахнулась.

Вошёл Охотник. Дара чуть не вскрикнула. Она дёрнулась назад, к кухне, но Милош схватил её за руку и заставил остаться.

Не было сомнений — это был человек из Ордена Холодной Горы, Дара хорошо запомнила их знак: острый пик, утыканный солнечными лучами, точно копьями. Она видела его на мёртвом Охотнике в Гняздеце, она обагри-

ла тот же знак кровью, когда сама убила Охотника, и его носил незванный гость — плащ был закреплён серебряной застёжкой со знаком Ордена.

Мужчина на пороге выглядел на удивление смущённым.

— Да озарить Создатель твой путь, — произнёс он с сильным лойтурским говором. — Господин целитель, прости, я не хотеть врыватья. Я хотеть стучать, но дверь открыта.

У Дары задрожали коленки. Охотник был слишком близко. Мог ли он узнать в ней ведьму? Мог ли он случайно разглядеть её дар?

— Ага, да не опалит тебя Создатель, — Стжежимир взмахнул рукой, приветствуя гостя. — С чем пришёл?

— Ты забывать свои вещи у ландмейстера, мне веле-но передавать, — Охотник снял с плеча кожаную суму, но Стжежимир даже не пошевелился, и её забрал Милош.

И целитель, и его ученик выглядели спокойными. Никто и никогда не догадался бы, в какой опасности они находились. Никто бы не подумал, что они разговаривали со своим заклятым врагом. Дару замутило. Она схватилась за руку Милоша, впиалась в неё ногтями. Он даже не вздрогнул.

— А, точно, спасибо. Мой ученик совсем обленился, приходится всё самому таскать, и вот, я старый человек, забываю вещи где попало, — Стжежимир замахнулся, чтобы ударить Милоша по затылку, но вдруг скорчился от боли, так и не дотянувшись. — Леший побери, в руку вступило.

— Давай я помогу, учитель, — Милош осторожно высвободился из хватки Дары и придержал Стжежимира за плечи. — Прошу прощения, — обратился он к Охотнику, — но мне нужно помочь господину, нам лучше пройти в его мастерскую.

— А, да, конечно, — Охотник неловко попятился к порогу. — Я уходить, не мешать.

Он слегка поклонился и закрыл за собой дверь.

Несколько мгновений было тихо, пока Дара не выдохнула громко:

— Я думала, что умру.

— Жаль, не получилось, — хмыкнул Милош.

— Заткнитесь оба. Тише, — Стжежимир распахнул дверь позади себя. За ней скрывалась узкая клетушка, стены которой от пола и до потолка все были увешаны полками, а те были заставлены склянками, банками, деревянными ларцами и маленькими мешочками. У закрытого ставнями окна располагался небольшой стол. Горели свечи. Пахло травами и ещё чем-то, чего Дара не смогла распознать.

Королевский целитель уселся на высокий табурет и оглядел по очереди Милоша и Дару. Её всё ещё трясло от пережитого ужаса, а мужчины не придали случившемуся никакого значения. А разговор зашёл сразу же об Охотниках:

— Лойтурцы ищут оборотней, которые перебили всех людей в Гняздеце. То ли соколов, то ли воронов — леший их разберёт, — поведал он. — Не знаете, часом, кто эти оборотни?

Милош и Дара переглянулись.

— Всех людей? — переспросил Милош. — Когда мы уходили, то местные прятались по домам. Мы их не тронули.

— А кого тронули? — недобро прищурился Стжежимир.

— Только Охотников.

— И как они вас нашли, позволь спросить? В Гняздеце было тихо уже почти двадцать зим.

— Мы убили одного из них.

— Что?!

Дара вздрогнула от крика.

— Он напал на Весю, — пожал плечами Милош. — И вообще, дело не в нас. Точнее, не во мне. Это Чернава привела Охотников, и я уверен, что она это сделала намеренно.

Такой отборной ругани, какую обрушил Стжежимир на Милоша, Дара не слышала даже в ярмарочный день среди игроков в напёрсток. Она успела и смутиться, и разозлиться на несправедливость его слов. Как бы Милош её ни раздражал, он не был виноват в случившемся.

Она терпела, молчала, кусала губы, лишь бы не сказать лишнего, а Стжежимир кричал и кричал, и терпение Дары всё-таки лопнуло:

— Охотники напали на нас! Они знали, где мы живём. Мы что, должны были позволить себя убить?!

Брови на лице целителя зашевелились. Он ткнул в неё пальцем.

— Ты должна была не попадаться! Я же как-то умудряюсь это делать целых двадцать лет, хотя каждый день хожу в королевский замок? Не жду ни от одного из вас того же благоразумия, как от себя самого, но неужто ты такая тупая? Ах да, что я хочу от грязной кметки?

— Я не грязная кметка.

— А кто тогда? Чистая кметка?

— Лесная ведьма.

— А? — Стжежимир сморщился, точно съел луковицу целиком. — Точно. Так и не скажешь, глядя на тебя.

Пусть выглядел старик по-прежнему недовольным и сердитым, но кричать перестал, и Милош поспешил перевести разговор:

— Дарина просится к тебе в ученицы. Умеет она мало, зато силы ей не занимать.

Дара замерла. Стжежимир отказался принять её в первый раз, по крайней мере, так он написал в письме Милошу. Что, если он прогонит её и теперь? Вороны опасались того же, поэтому передали весточку.

— У меня для тебя письмо, господин целитель, — Дара достала из-за пазухи свёрнутую бересту.

Стжежимир без малейшего интереса бросил письмо на стол, даже не прочитав.

— Лесная ведьма, значит. Да ещё моего ученика умдрилась облапошить. Ха!

Он засмеялся хриплым противным голосом. Милош поджал пухлые губы:

— Ей просто повезло.

— Ну-ну, а тебе не повезло. Хорошо, можешь оставаться, — разрешил он вдруг и перевёл взгляд на Дару. — Не знаю, правда, где тебе спать, место осталось разве что под дверью, будешь у меня вместо собаки. А что? Глаза у тебя злые, как у цепного пса.

Дара сжала кулаки, чувствуя, как от ярости заклокотало всё внутри.

Королевский целитель то ли не заметил её бешенства, то ли не пожелал замечать. Он устало зевнул, не прикрывая рот, и развернул бересту.

— Что там Вороны своими куриными лапами накарябали? — лицо его помрачнело. — Затащили они тебя, значит, в свои делишки, — пробурчал он. — Что ж, а может, это к лучшему. Но всё равно сначала проверим, насколько ты полезна, а потом уже я возьмусь тебя учить. Ничего за так не бывает.

Прищур у Стжежимира был хитрый, как у игрока в напёрсток — сразу становится понятно, что тебя обведут вокруг пальца, только не ясно, как именно. Даре захотелось завывать от отчаяния и бессильной злобы. Всем было от неё что-то нужно.

— Что ты хочешь?

— Чтобы ты рассказала мне всё, что знаешь о своём Хозяине, — сказал королевский целитель. — И о том, откуда у тебя появились эти силы. Ты же не от рождения так светишься изнутри?

Стжежимир пригляделся к ней и недовольно хмыкнул.

— И эта тьма, — он вскинул голову, посмотрел на неё почти испуганно. — Навь тебя поглотит, Вороны прибрали и тебя к рукам?

Дара украдкой посмотрела на Милоша, но он даже не обернулся. Неохотно она кивнула.

— Драган разума лишился, — пробурчал Стжежимир. — И всё из-за Чернавы.

– Драган мёртв, – сказал Милош.

– Не удивительно.

Целитель помрачнел ещё больше и снова перечитал послание Воронов. Дара попыталась поймать взгляд Милоша, он посмотрел спокойно, почти равнодушно. Он совсем не выглядел удивлённым.

– Милош, иди по своим делам, – велел Стжежимир. – А ты садись, – он указал Даре рукой на маленькую лавку, задвинутую под стол.

Дара присела. Лавка была совсем низкой, и теперь девушка смотрела на Стжежимира снизу вверх.

Милош задержался на пороге, и Стжежимир нетерпеливо махнул ему рукой. Дара заставила себя не оборачиваться. Дверь затворилась негромко.

Если бы Дара осталась в Ратиславии, то побоялась бы раскрывать тайны лешего. Но Великий лес отделяли от Рдзении многие вёрсты, а в городе Совине не было ни богов, ни духов, ни чар. И Дара заговорила.

Горица пребывала не в духе. Причин на это у неё существовало превеликое множество, но под конец дня она расстроилась ещё из-за того, что некуда было уложить спать двух девушек.

– Милош вернулся, – поджав губы, рассудила она. – Комнат больше нет. Если только в подпол вас поселить, но там от холода вы окаменеете.

И кухарка так посмотрела на Дару, что ясно стало: она бы только обрадовалась, если бы нашла её замёрзшей на смерть.

– Ох, ладно, сегодня оставайтесь на кухне, постелю вам на лавках. В конце концов, самое тёплое место в доме.

Дара смиренно сидела за столом и старалась не мешаться под ногами. Горица всем своим видом давала понять, что её раздражало само существование Дары, и она решила отвечать кухарке тем же. Вся принялась помогать Горице, но Дара не сдвинулась с места. Она привыкла работать

по дому: готовить, стирать, убираться, ухаживать за скотиной. Но в доме Стжежимира всё должно было пойти по-другому.

«Я стану ученицей целителя, как и Милош. А прибирается пусть прислуга».

Несколько раз Веся оглядывалась на Дару, во взгляде её читался укор. Они вроде бы и помирились ещё в Гняздеце, но между ними осталось слишком много недомолвок, слишком много взаимных обид. Вот и теперь сестра осталась недовольна тем, что Дара не помогла ни приготовить ужин, ни помыть посуду, ни постирать. Но Дара приняла решение держаться подальше от домашних дел. Вряд ли бы кто-нибудь поблагодарил её за помощь. Она сложила руки на коленях, села прямо и постаралась даже не смотреть в сторону Горицы.

Мешок у ног Дары едва заметно зашевелился, и она прикрыла его подолом.

Наконец, кухарка вышла из кухни и увела за собой Весю. Впервые за долгое время Дара осталась одна. Тут же она вскочила с места, схватила миску, налила в неё молока, отломала ломоть хлеба и поставила всё в угол за печкой, надеясь, что Горица это не скоро заметит.

Домовой не сразу выбрался из мешка. Даре пришлось уговаривать его:

— Здесь безопасно. Тебя никто не тронет.

Ощерившись и вздыбив чёрную шерсть, дух зашипел сердито, точно кот. Дара осторожно коснулась его, погладила по спине.

— Понимаю, что ты пережил. Я тоже потеряла дом.

Вряд ли она вправду могла понять, что он чувствовал. Домовой был связан с родным очагом куда сильнее, чем любой человек. Он и появился на свет только для того, чтобы охранять дом, но тот погиб в пожаре.

Наконец, дух лизнул молока, взглянул на прощание на Дару и нырнул в щель. Рано или поздно он мог прижиться в новом доме. Возможно, он даже мог его полюбить. Однажды из города без чар изгнали всех духов, но это ведь не значило, что они не могли вернуться?

Когда все улеглись спать, Дара отвернулась к стене, но заснуть не смогла. Мысли крутились в голове, путались.

Что будет делать теперь Дара? Она пришла учиться у Стжежимира, но Вороны от неё не отстанут, попытаются втянуть в свой заговор. И были ещё Охотники, и Совиная башня, и Стжежимир тоже явно что-то замышлял. Дара мечтала о спокойной жизни, но куда бы она ни приходила, там случалась беда.

И все, все Дару ненавидели. Старый Барсук – единственная родная душа, что у неё осталась. Но он был так невыносимо далеко, за реками и городами, за бесчисленным количеством вёрст, на самой опушке Великого леса. Там, куда Дара не могла вернуться.

Она не осознавала, что плакала, пока не почувствовала тёплую руку на своём плече.

– Дарка, ты что? – раздался совсем рядом знакомый нежный голосок. – Дарка, что случилось?

Она не хотела говорить, но слова вырвались против воли:

– Никто меня не любит.

– Как никто? Я тебя очень люблю, – сестра погладила её по волосам. – И дед тебя любит, и мама с батей.

Горький смех сорвался с губ Дары.

– Ты бы бросила меня без задней мысли ради Милоша. А я...

Сердито засопев, Дара вырвала руку, но Веся не сдавалась. Она уткнулась носом в шею сестры, пригладила рукой тёмные волосы.

– Ох, Дарка, это другое... Если бы ты знала, каково это – любить, то ты бы меня поняла. Не сердись, дурочка, – голос её согревал лучше, чем пылающий очаг. – Я же понимаю: ты так ведёшь себя с Милошем, потому что пытаешься меня защитить. Ты всегда старалась уберечь меня от беды, гнала прочь парней наших зареченских. Мне хотелось с ними гулять, но, наверное, ты тоже в чём-то права. Они ненадёжные. Но только Милош не такой. И я теперь совсем взрослая. Видишь, через что я ради него прошла?

Ладонью Дара коснулась шрама на лице сестры: вот, какую цену она заплатила. Весняна отдала свою красоту ради парня, который не стоил ни одной её слезинки.

Она прижалась крепче. Дара нашла ладонью её ладонь и переплела их пальцы.

– Простишь? – спросила Веся.

– Прощу. А ты меня?

– И я тебя.

Сестра поцеловала её в щёку. Дара не видела, но знала, что Веся счастливо улыбалась. Наверное, она правда верила, что этих крох любви Даре было достаточно. Наверное, она правда верила в искренность Милоша. Веся всегда видела лучшее в людях. Может, только поэтому она и была способна любить Дару.

Она бы тоже хотела улыбаться, хотела бы быть беззаботной, как сестра. Но Дара была лесной ведьмой в городе без чар, в городе, полном Охотников. Она не могла уйти, ибо опасалась навих богов, она боялась остаться, потому что чувствовала: беда найдёт её и в Совине.

ГЛАВА 2

Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Сергей Есенин

*Рдзения, Совин
Месяц листопад*

Милош прождал пять дней, но Стжежимира больше не вызывали к супруге Идульфа Снежного. Тогда Милош рассудил, что приглашение ему было не нужно.

Ранним утром, когда город только просыпался и открывались лавки, когда торговцы с лотками ещё сонными голосами зазывали хмурых прохожих, Милош вышел из дома на улице Королевских мастеров.

Зима надула в столицу серую морозную дымку. Не осталось ни одной яркой краски, ни одного жаркого огонька.

Только снег и лёд. Только холод. Он забирался под одежду, под кожу, под рёбра к самому сердцу, и нужно было спешить вниз по улице, чтобы скорее укрыться в тепле.

Минув уродливого каменного идола у дома Пшемыслава Толстяка, Милош свернул на Огненный переулок и быстро дошёл до известного дома на улице Тихой стражи. Если бы минувшей весной ему сказали, что он будет стоять под окнами дома ландмейстера Охотников и надеяться оказаться внутри, так он бы рассмеялся. Прежде Милош старался держаться от Охотников подальше. До сих пор ему порой снилось, как рокотал Совин, когда обрушилась чародейская башня, как пылали огни на крышах и как самого Милоша за шиворот тащили из разрытой могилы.

В ту ночь ему неслыханно повезло: Милоша нашёл Стжежимир. Его сестру и родителей – Охотники.

И вот он стремился попасть в дом ландмейстера.

Милош прошёл вниз по улице. Он держал голову прямо, подставляя лицо холодному воздуху и чувствуя, как замёрзли уши и нос. Недалеко от дома Идольфа Снежного Милош встал так, чтобы видеть входную дверь, и подошёл к себе грузную тётку, тащившую на спине тяжёлый короб, из которого невыносимо соблазнительно пахло горячим хлебом.

– Хлеб не для продажи, – заявила тётка, но всё равно подошла. – Это заказ в дом Славомира Кабжи. Он берёт хлеб только у нас – в корчме «Над рекой».

С тёткой пришлось поторговаться и переплатить вдвое, но горячий хлеб всё же оказался в руках у Милоша. Взгляд задержался на собственных длинных пальцах, унизированных дорогими перстнями. Ничего красивого в его когда-то ухоженных руках не осталось. Ногти пришлось коротко обрезать, он поломал их во сне. Да, раны и ссадины зажили благодаря чарам, но руки всё равно выглядели грубыми, как у кмета. Ни у кого из дворян не было таких уродливых рук.

Скривившись, Милош откусил хлеба. Только что он торговался за него, как за самое желанное лакомство, но теперь кусок встал в горле, и захотелось пить.

В груди всё ворочалось от возбуждения. Как она встретит его? Что скажет? Не подурнел ли Милош? Не покажется ли он ей отталкивающим после пережитой болезни? Он сильно похудел, лицо его осунулось, и наряд висел мешком. Конечно, среди всех юношей его возраста он всё равно был самым красивым в Совине, но вдруг... вдруг сердце её изменилось?

Он представил, как Венцеслава улыбнётся и глаза её загорятся изнутри. В утреннем зимнем свете её волосы будут дивно сиять...

Из соседнего дома вышел знатный господин, бросил на него хмурый взгляд. Милош был одет дорого, броско. В левом ухе сверкала изумрудная серьга. Он был высок, статен и, несмотря ни на что, хорош собой. И всё же он был хорош недостаточно. Он оставался чужим на улице Тихой стражи. Пусть молодые знатные девушки заглядывались на него с восхищением, но...

Но Милошу никогда не выбраться с улицы Королевских мастеров. Он всего лишь ученик целителя. При Совиной башне всё было бы иначе. Если бы чародеи остались у власти, то Милоша бы уважали, дворяне пожимали бы ему руку, как равному, заискивали бы и пытались добиться его дружбы. Но Совиная башня погибла в пожаре семнадцать зим назад. Ему бы стоило с этим смириться.

Милош ждал. Он явился слишком рано, женщины из круга Рогволода Белозерского посчитали бы его нахальным, но Венцеслава была не просто женщиной, а Милош для неё не являлся просто очередным ухажёром. И всё же существовала одна помеха, и звали её Идульф.

Наконец ландмейстер вышел на крыльцо. У мостовой его ожидал слуга, державший под уздцы лошадь. Охотник сел верхом, стукнул пятками и, не оборачиваясь, направил животное вверх по улице к королевскому замку.

Нетерпеливо Милош засунул остаток хлеба целиком в рот и, быстро жуя, размашистыми шагами направился к дому.

К счастью, служанка у Венцеславы осталась прежняя. Она узнала его, окинула внимательным взглядом.

— Долго ты пропадал, — сказала Щенсна. — А сегодня больно рано пришёл.

Милош улыбнулся ей тепло, достал из сумы бутылку из тёмно-зелёного стекла.

— Торопился принести твою любимую клюквенную настойку, дорогая Щенсна.

Причмокнув от предвкушения, старуха забрала бутылку.

— Спрошу госпожу, примет ли она тебя. Подожди здесь. Ты голодный?

— Нет, душа моя, благодарю. — Милош готов был съесть гуся целиком, но он бы не осмелился жевать при Венцеславе. Это выглядело некрасиво.

Свет едва проникал через ставни, горело множество свечей. Жарко пылала печь. Замёрзшие пальцы медленно согрелись в тепле. Вошёл парнишка лет двенадцати, раскрыл ставни. В доме Идульфа Снежного окна были застеклены, совсем как в королевском замке.

«Сколько же у него денег?»

Милош рассматривал богатое убранство, пока вдруг не заметил над печью гроздь медных, тускло сверкающих на солнце круглых пластин. Ему стоило бы отвернуться, не обращать внимания, но что-то заставило его приблизиться. В груди разрасталось нехорошее предчувствие. Милош уже знал, что это. Он знал наверняка.

За семнадцать лет из памяти не стёрлось изображение: сова, раскинувшая крылья. Знак чародейской власти, знак башни. Когда-то такой носили его родители, старшая сестра и сам Милош. Когда-то он означал власть и силу, уважение и могущество. А теперь он висел, как охотничий трофей, в доме Охотника.

Сколько здесь было Совиных оберегов? Сорок? Пятьдесят? Все они были собраны в Хмельную ночь или их прибавляли по одному, когда выслеживали очередного чародея, сдирали с шеи оберег, а его самого отправляли на костёр?

Сколько уже погибло? Выжил ли хоть кто-нибудь, кроме Милоша и Стжежимира?

Он зажмурился, сжал пальцы, впиваясь ногтями в ладони, выдохнул медленно, пытаясь успокоиться. Он ничего не мог сделать. Пока что он ничего не мог сделать.

Качаясь, он дошёл до громоздкого кресла из красного дуба, сел. Было жёстко, неудобно. Милоша била дрожь, и ненависть горькая, как слёзы, разгоралась в груди. Он терпел и сидел, гордо вскинув подбородок.

Ожидание разъедало изнутри. Хозяйка дома явилась не скоро. Венцеслава вошла неспешно. Голубой бархат оттенял её белую кожу, золотые волосы и шею покрывал платок. Милош едва сдержался, чтобы не скривиться в отвращении, настолько противоестественно это выглядело. Но она стала замужней женщиной, так было положено.

Стоило ей войти, и время вокруг исказилось, потекло как мёд. Остальной мир исчез, и осталась только Венцеслава.

Когда они сели друг напротив друга, а служанка вышла по приказу своей госпожи, Милош взял тонкие руки в свои и наклонился вперёд, заглядывая в глаза.

— Я так рад тебя видеть, — произнёс он шёпотом, зная, что служанка осталась подслушивать под дверью, а вместе с ней, скорее всего, и слуга хозяина.

— А я тебя, — губ коснулась ласковая улыбка. — Тот фарадальский шар... это он тебя излечил?

— Да, я жив и здоров благодаря тебе.

Они молчали, смотрели друг другу в глаза. Милош гладил большими пальцами её ладони.

Венцеслава не требовала подробностей, она обладала удивительной способностью понимать его без слов. Милош вернулся к ней, а остальное было неважно — так он думал и чувствовал, пока смотрел Венцеславе в глаза и старался не замечать проклятые платок и кольцо на безымянном пальце.

Она рассказывала о книгах, которые прочитала, о песнях, которые услышала, о стихах, что написала, пока его

не было рядом. Милош слушал. Пожалуй, никого так он внимательно не слушал, как её.

Она осторожно, не выпытывая ничего, спрашивала и о нём самом, о его жизни вдали от Совина, вдали от неё.

— К счастью, ты и представить не сможешь, насколько убого было в Гняздеце, — улыбнулся Милош, поглаживая ласково её ладони. — Как бы я тогда ни хотел видеть тебя рядом, но тебе явно не место среди таких людей и таких условий.

— Даже подумать страшно, как ты выдержал все испытания. Ты так привык к столице, к богатству.

— Не так уж я и богат.

— Для ученика целителя весьма и весьма, — в голубых глазах мелькнуло то ли превосходство, то ли ревность. — Я видела, какие серьги ты подарил Уршулле.

— Я бы подарил тебе во сто крат лучше, если бы ты позволила.

Венцеслава только улыбнулась, пряча взгляд.

— Я слышала от мужа о том, что произошло в Гняздеце с Охотниками и с жителями, — вдруг сказала она. — Это сделал ты?

Она смотрела нежно, но так внимательно, словно заглядывала в душу. Как сложно, как противно было скрыть от неё правду. Милош не сразу нашёл что сказать.

— Нет. Я сбежал, как только напали Охотники.

Прежде ему казалось, что не может быть ничего хуже, чем предстать в глазах Венцеславы трусом, но ложь далась легче правды. Разве можно признаться супруге ландмейстера в том, что он убийца, который безжалостно расправился с людьми её мужа? И он не знал, что сказать о жителях Гняздеца. Кто был способен на убийство беззащитных кметов? Впервые Милош не мог предугадать, как отнесётся к его поступкам Венцеслава.

Раньше она ругала его за пьяные выходки, за бесконечных девиц, за выбор сомнительных друзей. Но раньше Венцеслава была честна с ним. Разве мог Милош ожидать, что она выйдет замуж, пока его не будет в городе? Разве

мог он предсказать, что из всех женихов она выберет Идульфа?

Он был уверен, что Венцеслава не упомянет свадьбу, но она всё же сказала:

— Ты должен знать... на венчании был Карл.

Милош чуть крепче сжал её пальцы.

— Всё в порядке?

— Да, он был очень вежлив и уважителен. Ни словом не выдал себя. И я подумала... почему Идульф не чувствует на нём чар? Говорят, что Охотники могут опознать проклятого.

— Вряд ли они действительно это могут. К тому же я не проклинал принца.

— Но наложил заклятие.

— Это не одно и то же, — терпеливо пояснял Милош. — Я заставил его забыть всё, что случилось. Воспоминания стёрлись из его памяти. Но он вовсе не проклят.

Белая Лебёдушка тяжело вздохнула, пальцы её были совсем холодными, и Милош дохнул на них, пытаясь согреть. Она улыбнулась с нежностью.

— Жаль, что тебя не было в тот день со мной.

Он застыл, будто в лёд обратилось сердце.

— Неужели?

— Мне всегда радостно, когда ты рядом.

Милош поднял глаза.

— Думаешь, это не было бы жестоко — смотреть, как ты выходишь замуж за другого?

Лицо Венцеславы помрачнело.

— Зачем ты так говоришь?

Он обещал себе, что не задаст этого вопроса, но теперь, когда хотелось зарычать от ярости, спросил холодно:

— Почему Идульф Снежный?

Ответ поразил своей простотой:

— Он знатен и богат. Он достойный супруг.

— Ты могла выйти за любого в Рдзении, но выбрала старика и Охотника.

— Он не так стар. — Светлые глаза сверкнули льдинками. — Как ты можешь осуждать меня за выбор? Не будь таким ревнивцем, Милош, не заставляй меня чувствовать себя виноватой перед тобой. Видит Создатель, я никогда не давала тебе надежды на то, что между нами возможно нечто большее. Ты должен понимать, что это невозможно.

Не теперь, когда Совиная башня разрушена.

Конечно. Он знал. Всегда.

Но всё равно вылетел за порог её дома, как если бы за ним гнались Аберу-Окиа и все Охотники вместе взятые, и золото в крови забурлило так сильно, что с кончиков пальцев посыпались искры. Милош спрятал руки в рукавах.

— Хлопец, подай монетку, — раздался голос в стороне.

Пахнуло перегаром. Милош поморщился, оглядываясь на попрошайку, но не успел сказать ни слова. Пропойца вдруг отшатнулся в ужасе и осенил себя священным знаменем.

— Бес! — прошептал он в ужасе. — Бес...

Милош сорвался с места и завернул в Огненный переулок. До самого дома он шёл, не поднимая глаз. Он и сам уже понял, что они светились золотом.

Ратиславия, Златоборск

Седекий нашёл старинную рукопись, в которой говорилось о войне между Империей и Бидьяром в ту далёкую пору, когда только-только объединились в одно государство острова Айос и Ауфовос.

Не один вечер Вячко провёл, изучая записи учёных мужей. Много пугающих сказок складывали о Змеиных царях в Ратиславии, много говорили об их дикости и жестокости, и летописи с Благословенных островов подтверждали каждый самый жуткий и пугающий слух: в воспоминаниях троутоских мудрецов Змеиные цари представляли истинными чудовищами и детьми самой Аберу-Окиа.

«Кровь земли они пожирают, и потому их родина усохла и обратилась в песок. Суть человеческую они отвергли и были прокляты за это Создателем, остались неприкаянными на земле и лик людской потеряли, покуда не приняла их Аберу-Окиа и не поделилась змеиной своей сущностью».

Вячко не знал, верить ли прочитанному. Однажды он беседовал с ратиславским купцом, побывавшем на островах Лу Ху Чу. Там его встретили настороженно и с большим опасением, ибо все местные жители верили, что к западу от них, там, где располагалась Ратиславия, жили белые бесы, похищавшие человеческие души. Оттого и купца с гривой пшеничных волос и ясными серыми глазами приняли поначалу за злого духа.

Быть может, и люди с Благословенных островов рассказывали столь диковинные сказки о Змеиных царях оттого, что никогда их сами не видели? Люди могли перевернуть даже те события, что произошли совсем недавно. Вячко знал, что в рдзенских летописях о княгине Злате писали, будто бы она была безжалостной ведьмой и приносила в жертву лешему новорождённых младенцев.

В библиотеке храма Вячко отыскал берестяные грамоты, написанные незадолго до его рождения бывшим Пресветлым Отцом. Это было повествование о войне, которую вёл его дед Ярополк:

«И вскинул светлый князь голову к небу и узрел змея, огнём дышащего, — прочитал Вячко. — Взметнул копьё князь Ярополк и пронзил сердце чудища. Рухнуло оно наземь и долго подыхало, а подыхая, извергало яд и зловония мерзкие. На спине змея крылатого восседал царь бидьярский, и лик он свой богомерзкий прятал за золотой личиной, ибо страшилась его морды звериной не только враги, но и собственные дружинники».

Это было любопытно. Купцы из Бидьяра часто продавали маски, якобы принадлежавшие Змеиным царям. Каждая маска, говорили они, наделяла носителя особым даром.

Вячко продолжил читать о том, как Ярополк поборол последнего царя из Бидьяра и получил прозвище Змееборец, но о природе самих царей так ничего и не нашёл. Летописец не уделил тому внимания, больше его беспокоила судьба ратиславского князя: что тот вышел победителем из битвы, но был ранен и отравлен, да и об этом говорилось размыто. Нельзя было сказать, отравил ли князя ядовитый змей или клинок. Следующие строки уже повествовали о встрече Ярополка с лесной ведьмой Златой.

Вячко отложил летопись.

— Пожирают кровь земли, — еле слышно повторил он.

Неждана называла Змеиных царей ящерами-крадуци-ми-солнце.

В растерянности Вячко вышел из храма и побрёл по улицам Златоборска.

Первый снег растаял, но земля промёрзла, заиндевела и обратилась в камень под ногами. Холодный ветер пронизывал до самых костей. Вячко желал укрыться в тепле, среди друзей и близких, но Стрелы и Небабы не было в городе. Во дворце у него не осталось близких людей. Ноги сами привели его в дом Зуя.

Хозяин встретил княжича с показным почтением, долго кланялся и предложил отобедать. Вячко посчитал отказ за грубость и согласился с неохотой. Скрыжистый Зуй не спешил тратить полученные за проживание Нежданы деньги, и на его столе нельзя было найти особых яств. Зуй поставил на стол миску с овсяным киселем и под тяжёлым взглядом Вячко ушёл к противоположной стене, чтобы не мешать.

Они с Нежданой ели кисель, девушке он был в новинку, она смаковала каждый глоток.

Вячко не надеялся, что ведьма с Мёртвых болот откроет свои тайны, но всё же спросил. Не о том, правда, что терзало его разум.

— Как тебя зовут?

Неждана вздрогнула от его вопроса и застыла, обернулась с опаской на Зуя, но тот сидел у окна и стругал ложку:

некогда старик был плотником, а теперь зарабатывал редкую монету тем, что продавал вещи, необходимые в быту.

— Ты нарёк меня Нежданой, княжич, — напомнила ведьма с некоторым недоверием.

— Но это не твоё настоящее имя. Не звать тебя и Югрой, настоящая сестра Олоко умерла задолго до моего появления на болотах. Так скажи, как тебя назвали родители?

Она молчала, смотрела перед собой, не моргая. В серых глазах мелькнуло нечто, что заставило Вячко вдруг испытать жалость, но он отмахнул это чувство и спросил ещё раз:

— Как твоё настоящее имя?

— Я не скажу его тебе, княжич, — холодно произнесла Неждана. — Истинное имя можно сказать только другу.

— А ты мне враг?

— Нет. Никогда им не была и не являюсь. Но другом тебя назвать всё же не могу. Ты скажешь мне своё истинное имя?

Вячко улыбнулся неожиданно весело, тряхнул головой, отбрасывая рыжие кудри со лба.

— Твоя правда, такое можно сказать только другу, — признал он.

Некоторое время они не разговаривали. Неждана громко хлебала, Зуй стругал деревянный брусок, а Вячко уныло мешал ложкой кисель.

— Те ящеры-крадущие-солнце, как ты их называешь, — вспомнил он. — Они по-настоящему люди?

Неждана пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, они когда-то были людьми.

— Разве возможно перестать быть человеком?

Прядь волос упала Неждане на лоб. Она склонила голову над столом, потупила взор.

— Случается всякое... духи бывают хитрыми и жестокими. Они способны изменить суть всего живого, особенно если это древние духи, те, что существовали ещё до людей. Мой народ... — она запнулась, и Вячко уже подумал, что больше Неждана ничего не скажет, но она

продолжила: — Мой народ однажды доверился духам. Давно, когда мы потеряли родину и искали новый дом. Духи обратились к нам, предложили свою помощь. Они пообещали укрытие и защиту. Они провели нас глубоко в свои пещеры, а взамен попросили нашей веры и службы. Мы поклялись поклоняться духам как новым богам взамен на помощь. Старейшины надеялись переждать беду и вернуться домой, но из пещер нас никто уже не выпустил.

Потрясённый, Вячко молчал. Он представлял мрачные тёмные подземные ходы, которых никогда не достигал солнечный свет, и запертых в пещерах людей.

— И как вы спаслись?

— Мы не спаслись, огонёк. Духи забрали наши цвета, наши краски, наши лица и волосы. Мы стали белыми, как пещерные рыбы стали бояться света, точно летучие мыши. Ты видел меня настоящую. Скажи, ты испугался? Тебе было омерзительно моё настоящее тело?

Вячко отвёл взгляд.

— Поэтому ты крадёшь чужое обличье? Потому что твоё собственное пугает обычных людей?

— Нет. — Неждана покачала головой и отставила кружку в сторону. — Я ношу чужое лицо, потому что моё собственное проклято. Мой народ попал во власть духов ночи и подземных вод. Мы противны свету и солнцу. Если мы появимся на солнечном свету в своём истинном обличье, то тут же умрём.

Рдzenia, Совин

Дара рассказала королевскому целителю всё, что знала о Хозяине леса и его чарах. Повела она об озере с золотой водой, о поющей богине в реке Звене, о чудесных лесных тропках, что могли провести за короткое время в любую точку леса. Показала она и те знаки, что выучила, Стжежимир записал их все с превеликим любопытством. Дара разъяснила ему значение тех знаков, что понимала сама, а остальные они решили изучить со временем вместе.

Дара рассказала о том, как Хозяин избегал встреч и приближался к ней только во снах, о том, что выгнал из Великого леса и больше ничему не обучал.

— Так зачем он сделал тебя лесной ведьмой, если вскоре прогнал? — недоумевал Стжежимир.

И только об этом Дара смолчала. Вместо этого она спросила сама:

— Зачем ты хотел заполучить знания лесной ведьмы? Чтобы свергнуть короля и Охотников?

Целитель посмотрел на неё во все глаза, и это был первый раз, когда он искренне и весело рассмеялся.

— Вороны успели заморочить тебе голову, — проговорил он.

Внешне Дара сохранила спокойствие.

— Мне всё равно, кто будет править Рдзенией, но... я бы, пожалуй, хотела избавиться от Охотников. А ты нет?

Стжежимир облизнул губы и резко закивал.

— Да-да, всё дело в них. Или нет? Чародеи, должен я сказать, сами виноваты в своей участи.

Дара нахмурилась. Старик усмехнулся в усы.

— Не согласна? Ещё бы, ты просто глупая деревенская девка, которая выросла на сказках о великих чародеях, преданных подлым королём. Ты знать ничего не знаешь. А я находился здесь, в Совине всё это время. Я видел своими глазами, как сгорела Совинья башня.

Стжежимир оскорблял легко, колко, понимая, что Дара не посмела бы возразить. Она находилась в его власти и была вынуждена слушать и соглашаться со всем. Но она давно привыкла склонять голову перед теми, кто обладал большей властью, вот и на этот раз проглотила обиду.

— Так что случилось на самом деле? — Она опустила голову, чтобы не выдать своей злости.

Откинувшись на спинку кресла, Стжежимир натянул покрывало повыше. Несмотря на растопленный очаг, он всё равно мёрз. Зима в городе и вправду ощущалась иначе. Она была промозглой и ветреной, задувала в каждую щель и пробиралась под одежду. Даже в маленькой деревянной

избушке на мельнице Дара никогда так тяжело не переживала холода.

— Чародеи стали неосторожны, вот что случилось. Они хотели всё больше и больше власти, и однажды королю это надоело, а лойтурцы только этого и ждали, — ответил Стжежимир. — А я, наоборот, всегда старался оставаться в тени. Так уж вышло, что меня обучали чародейскому мастерству на Благословенных островах. В Империи всегда плохо относились к чарам, и от моего учителя — троугосца — мне передалась привычка скрывать свои способности. Так что по возвращении в Рдзению я притворялся обычным целителем, пусть и всегда использовал свой дар для лечения. Какая разница, кем тебя считают — лекарем или чародеем, — если платят одинаково хорошо? Конечно, чародеи из Совиной башни быстро меня раскусили, но не выдавали. Какое им было дело до ещё одного чародея? Нас тогда в городе было не счесть.

Королевский целитель уселся поудобнее, потом махнул Даре рукой, велел подняться.

— Не стой без дела. Возьми пучок цветов в том углу. Да-да, этих. Знаешь, как называются?

— Болиголов, — вспомнила Дара. — Для кого это?

— Для принца Карла.

Глаза у Дары стали, наверное, как два блюда, и Стжежимир вновь расхохотался.

— Но болиголов опасен...

— Если не грызть его как морковку, то не отравишься.

Он вздохнул, как если бы говорил с непроходимым дураком, и пояснил:

— Принимать нужно капельку на самом краешке ножа вместе с порошком солодкового корня. Помогает от головных болей, костной ломоты и мужской немощи.

Услышав последнее, Дара едва не прыснула от смеха.

— Значит, у принца Карла... голова болит? — заключила она.

— Не твоё дело, что у него болит. Возьми ступку, пестик и начинай толочь.

Дара принялась за дело, сокрушаясь, что нельзя скормить болиголов ратиславским князьям или Охотникам, отправив их напрямиком в объятия к Моране.

— Почему ты считаешь, что чародеи во всём виноваты?

— Потому что будь они умнее, так давно бы взяли быка за рога, точнее, короля Часлава за его корону, и вправили бы ему мозги на место, — сердито ответил Стжежимир.

Дара нахмурилась, оглянулась на Стжежимира и продолжила толочь.

— Не глазами по сторонам! — одёрнул её целитель.

От крика Дара вздрогнула, уставилась в ступку и постаралась сосредоточиться на деле.

— Я говорю, что лойтурцы не за один день уговорили Часлава избавиться от чародеев. Это началось задолго до Хмельной ночи. Совиная башня посчитала себя важнее королевского замка. Так, собственно, и было, но королю это не могло понравиться. Чародеи указывали ему, с кем вести войну, а с кем заключить мир, они убирали неудобных им людей из его окружения и однажды прокляли посла из Лойтурии на глазах у десятков людей. Наверное, это сошло бы им с рук — чародеи легко бы одолели лойтурское войско в открытом бою, — но после старейшины башни пожелали вновь войти в Совет Старшей Совы.

— Что ещё за совет?

Пестик легко стирал траву в порошок, но Даре это занятие быстро наскучило. Ей и прежде не нравилось работать на кухне и возиться с готовкой, куда легче ей давался тяжёлый труд на пропитанной мукой мельнице, когда мышцы сводило от усталости и тело стонало. В лесу тоже не удавалось долго сидеть на одном месте, Хозяин всегда находил для неё дело. Но жизнь в княжеском тереме или в доме целителя наводила тоску. Стжежимир не учил плести заклятия, а заставлял готовить снадобья для богатых рдзенских господ и без конца болтал:

— Знаешь, где было первое поселение в Совине? Откуда пошёл город?

— От замка, — предположила Дара. — Князя обычно сначала строят детинец, а вокруг уже город растёт.

— Только не в Совине. Замок воздвигли многим позже, когда город уже разросся. Вначале все дома строили вокруг озера, где стояла Совиная башня. Говорят, что раньше на этом месте рос густой лес и в его чаще жила могущественная ведьма. Она разрешила князю Вышеславу основать город, но править они должны были вместе — люди и чародеи — на равных. По крайней мере, так говорится в былинах, а вот чародеи из Совиной башни считали, что это была не чародейка, а древний могущественный дух, а то и вовсе богиня.

Пестик чуть не выпал из пальцев.

Стжежимир хитро прищурился, наблюдая за ней.

— Догадываешься, к чему это я?

Дара упрямо промолчала и продолжила толочь.

— От некоторых чародеев из башни я слышал, что озеро было некогда источником золотой силы, что поэтому и появилось так много чародеев в Рдзении. Былины рассказывают, что первые совинские князья часто рождались больными, тогда их купали в озере у башни, и они мгновенно выздоравливали и становились могучими воинами. Со временем сила иссякла, но ещё лет двадцать назад в воде иногда замечали яркие всполохи.

— Значит, Великий лес когда-то доходил до этих мест, — задумчиво произнесла Дара.

— Не думаю. Скорее всего, здесь был другой лес, не менее могущественный и полный духов. Только со временем люди вырубili его.

— Почему духи это позволили? Леший уничтожил бы любого...

— Может, тогда люди были так же сильны, как и духи? Может, они испили золотой воды в озере, подобно тебе? Если бы ты была не одна, если бы существовало десять, двадцать, сорок чародеек, равных тебе по силе, смогли бы вы вместе одолеть лешего?

Дара задумалась и пожала плечами. Ей, как и всем в Заречье, лесной Хозяин казался могущественнее всех на све-

те. Он не был равен ни чародеям, ни людям. Он являлся созданием Нави, и потому нельзя было его даже сравнивать со смертными существами.

— Но почему люди не захотели жить в мире с духами и править наравне?

— А почему чародеи башни и король не поделили власть? Потому что люди всегда желают большего.

— Получается, лойтурцы подговорили короля Часлава избавиться от чародеев?

— Это было несложно. Чародеи имели слишком большую власть в стране и без конца напоминали королю, что он никто в собственном государстве, а храм считал чародейство греховным. Часлав не посмел бы избавиться от чародеев: они защищали наши границы от вас, ратиславцев, но лойтурцы пообещали поддержку со стороны Охотников, тогда Часлав и решился.

На некоторое время Дара забылась, запутавшись в собственных мыслях, и толкла в ступке болиголов. Пока работали руки, размышлять было легче.

— Значит, ты хочешь найти это озеро? Но зачем тебе я?

— Озеро искать не надо, оно где было, там и осталось, а вот силы в нём нет ни капли. Я много лет искал источник на месте Совиной башни, но так ничего и нашёл. Тогда я подумал, что знай я больше о лесных ведьмах из Ратиславии, то быстрее бы понял, в чём особенность этой силы. Сам я уже не молод, до Великого леса мне добираться трудно, поэтому отправил Милоша. Он, конечно, бестолочь, но всё-таки у меня учился, многое знает, смог бы понять, что и как устроено в Великом лесу. Но видишь, как вышло, лесная ведьма пришла ко мне сама, — он развёл руками, сам будто не зная, как теперь поступить.

— Думаешь, я смогу найти источник?

Стжежимир пожал плечами.

— Кто знает? Сходи к Совиной башне, поищи. Может, тебе он откликнется.

— Почему ты считаешь, что у меня получится?

— Потому что ты лесная ведьма. Если на месте города когда-то рос лес, в котором существовали те же силы, что в Великом лесу, а заклатья, связывающие источник и духов похожи, то...

Целитель запнулся, постучал пальцами по столешнице.

— Твою сестру обжѣг меч Охотников, хотя она и не ведьма. Она сказала, что все в вашей деревне какие-то особенные. Это из-за вашей поющей богини?

Дара пожала плечами.

— Раньше я об этом не задумывалась, в Заречье все к этому привыкли, будто так и надо. Есть у наших людей дар, ну и есть. Но теперь понимаю, что это всё одно: озеро, поющая богиня и та сила, которой обладает Хозяин леса. А Совиная башня... Там не опасно?

Стжежимир нахмурился, ожидая разъяснений.

— Если Охотники сожгли её, то они не желают там никого видеть.

— Так будьте осторожны и не попадайтесь никому на глаза, — раздражѣнно произнёс целитель.

«Будьте».

Значит, Милош пойдѣт вместе с ней.

— Ты закончила? Сколько можно возиться? — Стжежимир поднялся с кресла и подошёл к столу, чтобы проверить работу. — Ты посмотри, сколько грязи. Толочь надо усерднее, но аккуратнее. Дай покажу.

Ратиславия, Златоборск

На улице ещё не рассвело, когда Вячко нашѣл Ярополка в покоях отца за столом, заваленным письмами и картами. Было свежо, ставни оказались распахнуты. За окном парил предрассветный сумрак. На столе горели свечи, а по углам комнаты клубилась тьма.

— Ты уже слышал? В Нижинском княжестве продолжаются нападения. Отряды Шибана сжигают деревни и...

Ярополк поднял голову, отрываясь от чтения.

— Конечно, слышал.

— Что будем делать?

– Ждать приказов отца. – Брат выглядел мрачным, уставшим, под глазами залегли тени. – В отличие от тебя, я не действую за спиной у Великого князя.

Вячко стерпел, промолчал.

– А пока?

– А пока ты мог бы заняться делом и вылезти из библиотеки, – огрызнулся Ярополк. – Мне пришлось посылать на старгородский тракт Горыню. Твоя дружина этого не одобрит.

– Раз на то пошло, ты сам велел мне разузнать про Змеинового царя. Чего ты ещё хочешь?

Снежный князь скривился.

– Чтобы тебе самому это было нужно. В том-то и дело, что ты являешься только по моему приказу. Ну и сегодня... зачем пришёл?

Вячко замылся, понимая, что брат был прав. Но он пришёл по делу, пусть и далёкому от государственных.

– Ты говорил о записях Горяя. Мне хотелось бы их прочитать.

– С чего такой интерес?

Вячко не стал скрывать от брата правду. Он рассказал, что выяснил о найденном крылатом змее, о летописях и о ящерах-крадущих-солнце.

– Значит, эти дикари из-за Великого леса родом отсюда? – насторожился Ярополк. – Ведьма не сказала, хотят ли они вернуться на родину?

Вячко помотал головой.

– Как я понимаю, она сама с трудом сбежала из пещер. Её народ не способен находиться на солнечном свете, но ведь каждый стремится домой, разве нет?

– За дом надо уметь сражаться. Раз они потеряли свою землю, так больше не имеют на неё права. Хорошо, если солнечный свет на самом деле их убьёт. Хватит с нас рдзенцев и степняков.

Вячко промолчал, не зная, что сказать. Слова брата показались жестокими, но и поспорить с ними было трудно.

– Так что с записями Горяя?

Брат отцепил ключ от связки на поясе и вручил Вячко.

— Это от сундука, что стоит в моих покоях у самой постели. Но я могу и сам рассказать, о чём писал Горяй. Присаживайся. Может, поедим? Я ещё не завтракал.

Против трапезы Вячко не возражал, и Ярополк позвал холопа, велел ему принести завтрак на двоих.

Вместе братья расчистили стол от бумаг, сели. Вячко скрестил руки на груди, ёжась от холода. В покоях давно не топили.

— Как ты не задубел тут до смерти?

— Прохладный воздух бодрит и помогает лучше думать, — пожал плечами Ярополк. Он, верно, привык к лютому морозу после долгих лет, проведённых на севере.

— Так что с Горяем?

— Помнишь, он время от времени брал нашу кровь? Когда мы были детьми, Горяй плёл для нас обереги, заверял, что наша кровь сделает их сильнее.

Вячко кивал и неохотно жевал кашу. С тех пор как он вернулся в столицу, все кушанья казались ему безвкусными, и часто он даже забывал поесть.

— Так вот, брехал Горяй, как голодная псина зимой. Он изучал нашу кровь: всех нас троих, Мечислава тоже.

— Потому что мы внуки Златы? — догадался Вячко.

Брат улыбнулся.

— Именно. А ещё потому что потомки Вышеслава. Он считал, что в нашем роду есть особая сила. Первородная, древняя, та, которой дышала земля в первые свои дни. Это он так написал, сам бы я такую ерунду не придумал.

— Быть может, это не ерунда, — задумчиво произнёс Вячко.

— Их смысл, может, и нет, а вот сами выражения... — Ярополк насмешливо улыбнулся, но лицо его оставалось усталым, мрачным, голубые глаза потухли.

— При чём тут Вышеслав?

— Смотри. — Ярополк откусил ломоть хлеба с куском солёной рыбы. — Вышеслав был первым князем в роду, о котором нам известно. Если верить былинке, то он женился на Старшей Сове.

– На ведьме, – рот у Вячко невольно дёрнулся от злости, и перед глазами встало бледное лицо с тёмными глазами.

– Ведьме, которая основала Совиную башню, – глаза Ярополка сверкнули. – Ведьме, которая правила духами в диком лесу. Никого не напоминает?

– Ну...

Прежде никогда Вячко не замечал ничего общего между былиной о Старшей Сове, князе Вышеславе и сказаниями о своей бабке. Злата жила совсем недавно, её помнили отец и Горыня, у неё учился Горяй. Вячко унаследовал её огненные волосы, Ярополк даже видел её в раннем детстве. Злата была настоящей. Но Вышеслав жил так давно, что никто не мог сказать, как он выглядел, никто не мог даже быть уверен, что он вправду существовал. Что уж говорить о Старшей Сове?

– Именно, – улыбнулся Ярополк, наблюдая, как вытянулось от удивления лицо Вячко. – Кажется, она тоже была лесной ведьмой.

– Погоди, но это же всё случилось в Рдзении. Откуда лесная ведьма могла там появиться?

– Кто знает, что было при Вышеславе? Это произошло несколько веков назад. Может, Великий лес тогда доходил до берегов Модры? Может, лесных ведьм раньше было больше? Горяй считал, что это всё связано. В нас течёт кровь Вышеслава, мы и рдзенские короли ведём род от одного предка. Но ещё любопытнее, что Горяй изучил кровь новой лесной ведьмы, и оказалось, что у нас много похожего. Кровь – не водица, как говорится. – Гулкий его голос хрипло сорвался на смех.

– То есть? Мы родственники?

– Не дай бог, это было бы весьма печально. – Улыбка Ярополка помрачнела. – Дарина – лесная ведьма, как и наша бабка. Они носят силу, дарованную лешим. Горяй написал, что если объединить силу Златы и Дарины, то выйдет нечто... особенное.

Вячко догадался, к чему клонил брат. Снежный князь был слишком упрям, чтобы отказываться от задуманного.

- Ты хочешь, чтобы она родила тебе ребёнка?
- И не одного. Это усилит наш род.
- Император не позволит. И конунг Гудрёд объявит тебе войну, если обидишь его дочь.
- Я пока не собираюсь жениться на Дарине. Отец узаконил тебя, я поступлю так же с нашим ребёнком. А потом – кто знает?

От этих слов Вячко скривился. Да, Великий князь признал его сыном, только каждый спешил напомнить ему, что он родился от безродной служанки.

– Значит, тебе узаконить детей кметки можно, а мне нельзя было жениться на Добраве?

В груди заклокотало.

– Лесной ведьмы, а не кметки. Злату признали святой. Кто знает, кем станет Дарина?

«Ярополк не остановится ни перед чем».

– И что собираешься делать с этими детьми? Наплодишь войско чародеев и объявишь войну всем соседям?

– Ты непроходимо туп, – заявил Ярополк, на что Вячко только больше нахмурился. – Одними чародеями государство не защитишь. Посмотри, к чему это привело Рдзению. Нет, я хочу усилить княжеский род, объединить княжества под единым правителем. Знаешь, кого я вчера отправил в темницу? Боярина Рознега из Нижи. Он, оказывается, ещё весной продал свои земли и переехал в столицу. А знаешь, кто любовница Рознега? Рабыня из вольных городов. И весь прошлый месяц этот сукин сын уговаривал отца отправить мою дружину в Лисецк и оставить Снежный город без защиты. А вчера брат Рознега угрожал призвать своих людей – почти тысячу человек – обратно из ополчения, если я не освобожу предателя. И это, Вячко, происходит в военное время. Мне, князю, угрожает какой-то захудалый боярский род. А представь, что будет, если князь Чернек вдруг потребует у отца больше земель, раз он разрешил ему расположиться с ополчением в Лисецке? Или если сейчас старгородский князь Влodgeмиж вступит в заговор с рдзенцами? У нас будет недостаточно людей, чтобы усмирить их. Нет, нужно по-

кончить с посадниками и другими князьями. Ратиславией целиком должен управлять один род и один князь, с княжествами пора покончить.

Вячко всё ещё не понимал до конца ход его мыслей.

— И какой будет толк от нескольких чародеев в семье?

— А подумай, какой толк был от нашей бабки? Злата — святая, что в Ратиславии, что на Благословенных островах. Она смела войско Рдзении и заставила самого Императора признать её великой княгиней. Её боготворят, ей прощают даже чародейство, неугодное Создателю. Я сделаю то же с Дариной. Я устрою так, чтобы её почитали равно кметы и бояре. Может, тогда сам Император благословит наш брак. А даже если нет, она всё равно родит мне сыновей. Заполучив лесную ведьму в свой род, мы укрепим власть по всей Ратиславии, тогда никто больше не посягнёт на великое княжение.

«Кроме тебя самого», — подумал с недовольством Вячко.

Пусть он всегда знал, что ему не унаследовать престола в Златоборске и он должен быть рад просто оставаться сыном, а после братом Великого князя, но что-то грызло его изнутри, когда он слушал речи Ярополка.

Поганую зависть стоило гнать прочь. Ярополк был старшим из братьев. Отец считал его хорошим правителем, и Вячко не должен был даже помышлять о дурном.

— А если у вас не родятся чародеи? Мы хоть и внуки Златы, но колдовской силы у нас нет.

— Об этом у Горяя тоже есть записи. — Тень недовольства пробежала по лицу Снежного князя. — Он писал, что дед поборол Змеинового царя благодаря своей особой крови и что она течёт в нас с древних времён. И нашего дядю, старшего сына Ярополка, прозвали Вещим не просто так. Значит, один из их сыновей всё-таки был чародеем.

— А ты не задумывался, почему бабка отреклась от лучшего? — с ядовитым ликованием спросил Вячко. — Отчего признала Создателя, принесла его веру в Ратиславию?

— Потому что это было полезно для государства, — рассудил Ярополк. — Откажись она целиком и полностью от

языческого прошлого, так отреклась бы и от чародейства, но между тем учеников она себе брала.

Вячко упрямо покачал головой. Ярополк усмехнулся.

— В народе любят Злату, полюбят и новую лесную ведьму, а именно это и важно — кого поддерживает народ.

— Скренорцев они ненавидят, но между тем ты притащил их в столицу. Представляешь, что начнётся, когда узнают, что ты отдал им Мёртвый город?

— А где ты ещё возьмёшь людей? Потому что нам их не хватает.

Вячко нахмурился и промолчал. Сказать ему было больше нечего, поэтому он забрал ключ от сундука и прошёл к двери.

— Вячко, — окликнул его брат. — Если хочешь помочь, подготовь всё к Ночи костров и договорись с Пресветлыми Братьями, чтобы не мешали празднику.

Порой Вячко не понимал, почему из всех братьев его считали самым безрассудным и безответственным. Ярополк решил отпраздновать языческий праздник в столице, хотя Ночь костров запретили много зим назад и разве что только старики помнили о былом порядке.

— Ты вправду собрался праздновать её? Пойдут пересуды, тебя заподозрят в язычестве.

— Достаточно того, что я каждый день кланяюсь солу в храме. — Лицо Ярополка походило на маску, и трудно было понять, что он чувствовал, во что и в кого на самом деле верил. — Пресветлые Братья не смогут защитить столицу, даже если каждый из них возьмёт топор в руки. Боги предков куда благодарнее, так почему бы не обратиться к ним за помощью?

Рдzenia, Совин

За всё время, проведённое в Совине, Дара ни разу не видела Горицу довольной. Вот и теперь она сердилась, пытаясь отыскать соль.

— Константином-каменоломом клянусь, я её всегда оставляла на этой полке. Никто не брал? — грозно спро-

сила она, ни к кому лично не обращаясь. На кухне не было никого, кроме Дары, но Горица старалась делать вид, что не замечала её.

Неприязнь их была взаимной.

Борщ у кухарки выходил на диво хороший, но Дара ела, сохраняя недовольное выражение лица назло Горице. Соль она не брала, но подозревала, что её украл домовый. Дух успел обжиться на новом месте, но остался не слишком доволен приёмом. Его миску с молоком убрали, а когда Дара намекнула, что домовому это не понравится, Горица высокомерно заявила, что духов в Совине не было и никогда не будет. Раскрывать правду не стоило, да и наблюдать за проказами домового оказалось весело. Дух принялся вредить кухарке всеми возможными способами, а свою спасительницу, наоборот, не трогал: она оставляла ему хлеба и мяса на ночь под лавкой.

Дара вышла с кухни и остановилась в растерянности, не зная, куда деться, когда услышала позади скрежет замка. С улицы в дом зашёл Милош. Вид у него был потерянный, уставший, но при встрече он улыбнулся, отчего на щеке появилась ямочка.

— Здравствуй, — негромко проговорила Дара.

— Вечер добрый, — отозвался он и подошёл чуть ближе. — Как занятия?

— Пока больше рассказываю я, чем твой учитель.

Улыбка у него вышла невесёлой.

— Знаешь, чему он научил меня в первую очередь?

Дара наклонила голову набок, и короткая коса коснулась её плеча.

Милош в задумчивости протянул руку, взял косичку и помахал кисточкой, щекоча кончиками волос щёку Дары.

— Тебе пора перестать носить косы. Рдзенские девушки в твоём возрасте так не делают.

— Я не рдзенка.

— Об этом лучше не кричать на улицах Совина.

Дара вздохнула, закатывая глаза.

— В этом все вы — рдзенцы. Никто у нас в Заречье не оскорблял тебя за то, что ты рдзенец.

— Радость моя, — промурлыкал он, — ты больше всех обзывала меня рдзенским псом и подлым гадом.

— Скажешь, ты не подлый гад?

Он склонился над ней. Пусть Дара и не была мала ростом, но Милошу всё же пришлось нагнуться, чтобы их глаза оказались напротив.

— В этом, душа моя, мы с тобой очень похожи. Одно-го поля ягоды, — прошептал он совсем рядом с её губами. Слова горчили, отравляли не хуже болиголова. — Пойдём, покажу тебе кое-что.

Он стал подниматься по лестнице, не оглянувшись, чтобы проверить, пошла ли она следом. Дара в сомнении посмотрела на спину чародея, но ноги уже понесли её наверх.

Милош провёл Дару в свою ложницу.

Девушка расправила плечи и гордо подняла голову, заходя внутрь. Было темно, и Милош поспешил куда-то к стене, щелчком пальцев зажгёт свечу на маленьком столике. Дара обвела взглядом простые светлые стены и скромную кровать, кроме неё, было лишь с десяток книг на полках и большой сундук, где, пожалуй, хранилось немало щегольских нарядов, в которых любил покрасоваться Милош. Но кроме этого — ничего. Вот бы разочаровалась Ждана, считавшая, что нашла Весе богатого жениха.

Милош насмешливо улыбался, стоя у стены.

— И не страшно честной ратиславской девушке оставаться наедине со рдзенским змеем? — проговорил он с коварной улыбкой.

Дара посмотрела прямо ему в глаза с нескрываемым вызовом.

— Ты же сам сказал, что мы одного поля ягоды. Так, может, это тебе меня стоит опасаться?

— Что, замараешь мою юношескую добродетель?

Не выдержав, Дара прыснула от смеха.

— Если бы она у тебя была! Так что ты собирался показать? Надеюсь, не остатки этой своей добродетели.

Милош хмыкнул и достал с полки почти под самым потолком деревянный ларчик, многим меньше того, в котором хранилось некогда фарададьское чудо.

— Что это?

— Лойтурская поделка. Они умеют мастерить такие игрушки, которые сами поют песни. Но эта давно сломана, — пояснил юноша.

Он опустился на край постели, похлопал по покрывалу, приглашая сесть рядом. Дара села слишком близко, упрямо поджав губы. Если он рассчитывал, что она поведёт себя как скромная барышня и останется стоять в стороне, то ошибался.

— И зачем тебе этот сломанный ларец? — спросила она.

Милош поднял палец к потолку, призывая её к вниманию, а затем будто выбил дробь в воздухе и свёл пальцы вместе. Дара пригляделась и увидела сотканную из света нить, что протянулась от горящей свечи. Чародей обвязал ей ларец, и вдруг заиграла тихая мелодия.

Немой возглас сорвался с губ Дары. Звук шёл из ларца. Без музыкантов, без свирелей и гуслей играла песня.

— Как такое может быть?

— В чарах важно научиться распределять силу от одного к другому. Все заклятия требуют живой силы, и если не хватит источника...

— То заклятие заберёт твою собственную жизнь, — припомнила Дара. — Мне рассказывал об этом один чародей. Но я о другом: как может сама по себе играть музыка? Что это за заклятие?

Милош засмеялся, и зелёные глаза его стали ещё ярче обычного.

— Это не заклятие, а наука. Лойтурцы способны на многое. Этот ларец сломан, но с помощью чар я заставляю его работать.

— Я слышала, что они башковитые, но чтоб настолько! — восхитилась Дара. — И это всё может работать без чар? Если его починить?

– Да, – подтвердил Милош и вдруг резким движением порвал нить между ларцом и свечой. – А теперь попробуй сама.

Дара посмотрела на него почти испуганно. Она творила колдовство и куда более мощное, чем это, но каждый раз оно выходило само собой, и ей не приходилось задумываться, откуда идёт сила. Когда же она пыталась сплести тонкое заклятие, то получалось это всегда плохо, хотя она приноровилась чинить защитную сеть в Великом лесу.

– Боишься? – прошептал совсем рядом Милош, расплываясь в довольной улыбке.

– Нисколько, – с вызовом ответила Дара и вместо того, чтобы забрать ларец, наклонилась чуть вперёд.

– Тогда давай, покажи, что умеешь. – Он взял её ладонь и положил поверх деревянной крышки. – Тяни силу от свечи.

Дара улыбнулась с притворным самодовольством, но внутри неё всё переворачивалось и ухало, как если бы она кубарем катилась с крутого холма. Она повернулась к свече, потянулась рукой, попыталась ухватить нить света, и тогда Милош провёл губами по её щеке, коснулся языком уголка губ.

Ларец заиграл, тут же закашлял, подавившись протенькой песней, и замолк.

Вдруг дверь приоткрылась, в щель просунул голову Ежи.

– Милош, мне надо с тобой поговорить.

Чародей подскочил на ноги.

– Ежи, – выдавил он хрипло и проговорил чуть раздражённо: – Слушай, давай попозже.

Руки у Дары дрожали.

– Я пойду. – Голос сделался ей не послушен.

Дара не увидела лица Милоша, чтобы понять, жалел ли он об её уходе или нет. Трусливо она выскочила из комнаты и после весь вечер злилась на себя за побег. Она показала Милошу свою слабость, призналась, что была бессильна против него, против его обаяния и ласки.

И это после всего, что между ними случилось.

Потерянная, разбитая, Дара вернулась на кухню. В большой печи, что грела своим теплом и кормила всех в доме, потух огонь. От одного простого заклятия.

ГЛАВА 3

*Рдзения, Совин
Месяц листопад*

Город был пустым, серым. Каменные стены нависали над узкими улочками, днём по мостовой текли помои и талая вода, а к закату всё это замерзало, и прохожие падали на лёду, ломая руки и ноги. Последнему были очень рады местные лекари, которых в Совине жило немало: почти все они приехали с Благословенных островов после Хмельной ночи, когда чародеев не стало и возрос спрос на обычных целителей. Целители в основном жили на улице Подмастерьев, там лавочек, в которых продавали мази и порошки, было так много, что с улицы шёл резкий запах трав, серы и почему-то коровьего навоза. Речной пронизывающий ветер разносил во все стороны смрад. В Златоборске пахло не лучше: так же скотиной, потом, железом, мясом, гарью, хлебом, навозом и борщом. Но тот город казался живым, и запахи его пусть резали нос, но тоже были живыми, яркими, наполненными цветами и звуками.

Совин давно умер.

Покрытый снегом и льдом, в нахлобученной сверху шапке серых облаков, наводнённый людьми, кутавшимися в тёплые одежды, он всегда был многолюден. Но никого, кроме людей, в столице не было. Не сверкали золотыми светлячками сердца навых духов, не перешёптывались ветра между собой, не щebetали воды.

Столица была величественной и пугающей. Она взирала сверху, с самих макушек замковых башен, на огромное своё раскинувшееся по берегу Модры тело, и Дара боя-

лась поднять глаза к замку, боялась встретиться взглядом с чудищем, что возвышалось над ней. Город прогнал всех тварей Нави и сам обратился в огромное каменное чудище, и чем дальше забредала Дара по его улочкам, тем плотнее Совин сжимал когти вокруг, точно норовил раздавить, зажать между домами.

Когда-то это казалось Даре невиданной роскошью: построить целый город из камня. Теперь это пугало: в Совине она будто оглохла. Вода, земля, небо – всё вокруг молчало, всё вокруг было неживым и сливалось в одно пятно.

Несколько седмиц Вороны не давали о себе знать, но минувшим вечером Дара нашла бересту на кухонном столе. Красивым почерком были написаны всего два предложения:

«Дом троутосца Михала на Кривой улице. Завтра утром». Потеряться в большом городе оказалось в разы легче, чем в самом глухом буреломе. Даре пришлось не раз и не два спрашивать дорогу у прохожих. Горожане, слышав её ратиславский говор, смотрели с презрением, отвечали неохотно, как от настырной собаки отмахивались.

– Грёбанные ратиславцы. – Один старик плюнул ей под ноги. – Ничего тебе не скажу, курва. Убирайся лучше из Совина!

Дара сжала пальцы, с трудом сдерживая рвущиеся наружу чары. Она не должна колдовать. Ей придётся быть осторожной, терпеть оскорбления и унижения. Ещё наступит её время. Она придумает, как защитить себя и сестру от Охотников, от Хозяина леса, от любого, кто теперь имел над ней власть. Но пока что она должна была терпеть.

В итоге её провёл мальчишка лет десяти.

– Тата говорит, что все ратиславцы ерикотики.

– Котики? – Дара удивлённо вскинула брови.

– Не, ерикотики. – Мальчишка посмотрел на неё как на дуру. – Это плохо. Ну, вы не любите Создателя, и за это вас надо сжечь. Это называется ерикотики.

Дара споткнулась и наступила в лужу, брызги полетели в разные стороны.

– Сжечь? Нас?! – Она отряхнула подол и сложила руки на груди, скорчив сердитую мину. – Зачем ты тогда мне помогаешь, если я ерикотик?

Мальчишка поковырял пальцем в носу, разглядывая Дару, съел козявку, обсосав грязный палец, и что-то решил для себя.

– Не, ты вроде ничего, не похожа на ерикотика, больше на троутоску.

– А ты их много видел?

– Видимо, побольше твоего, – важно вздёрнув нос к небу, заявил мальчишка и пошёл дальше. – Вот, это дом троутосца, только ты с ним осторожней...

Они остановились у старого высокого здания, серого, будто бы безжизненного. Печная труба покосилась, ставни были крепко закрыты на всех окнах, а тропинка к крыльцу замечена снегом. Никто, кажется, давно не выходил из дома на улицу – снегопад прошёл два дня назад.

– Почему нужно быть осторожней?

– Ну, – мальчика хлопнул носом, – он вредный, гоняет всех мальчишек и бьёт клюкой. А ещё мама говорит, что он пропил даже собственную душу.

Поведа бровью, Дара сделала шаг к дому Михала. Что ж, вряд ли бы честный человек связался с Воронами. Другое дело – отчаявшийся пропойца.

– Спасибо. – Она посмотрела через плечо на мальчишку.

– Ага. – Он снова хлопнул носом. – Бывай, не ерикотик.

Дождавшись, чтобы мальчишка ушёл, Дара подошла к двери, постучала, и из груди невольно вырвался глубокий вздох. Зачем она это делала? Какая из неё знатная барышня? Какая из неё супруга принца? Она всего лишь девчонка с мельницы.

Из-за двери послышались шаркающие шаги.

– Кто?

Как она могла представиться? Посланницей оборотней? Ученицей королевского целителя?

– Дарина, – глухо произнесла девушка.

Дверь распахнул небритый черноволосый мужчина, оглядел Дару с головы до ног.

— От этих? — на неё дохнуло перегаром.

— От Чернавы, — кивнула она. Мышцы свело. Почему она так переживала? Почему так отчаянно не желала переступить порог? Точно вся её суть сопротивлялась новой игре, новой лжи, на этот раз слишком опасной. Она никогда ещё не шла против государей. Она убегала от них.

— Заходи.

Порог остался за спиной, дверь закрылась с громким хлопком.

Михал, громко шаркая, ступал за Дарой, и она с трудом держивалась, чтобы не обернуться.

Огонь в большом, чёрном от копоти камине не горел. В доме было не многим теплее, чем на улице. Ветер задувал по углам. Сквозь щели в ставнях проглядывал дневной свет, и видно было, как пыль взлетала в воздух от каждого движения.

На деревянном кресле громоздилась куча тряпья. Она зашевелилась, как только Дара подошла ближе. Чёрные глаза выглянули из-под шерстяного одеяла.

— Наконец-то.

Тряпки полетели на пол. Чернава стряхнула с себя всё, кроме серого одеяла, обмоталась им, выпрямилась и приняла столь внушительный вид, точно была облачена в шубу из горносталя. Плечи женщины оголились, растрёпанные с проседью волосы Чернава поправила рукой.

— Ты жива, — вырвалось у Дары с облегчением. В глаза бросился свежий шрам на левом плече.

— Охотникам меня просто так не достать, — ухмыльнулась ведьма. — Уж сколько раз пытались. — Она оглянулась на хозяина дома. — Михал, зажги огонь.

Хозяин не сдвинулся с места.

— Чего ты ждёшь? — недовольно переспросила Чернава.

— Сначала заплати за дрова.

Чернава вскинула бровь, и глаза её загорелись золотым ведьмовским пламенем.

— Кажется, плату ты получил более чем достаточную, Михал.

— Вы заплатили за моё имя и происхождение, а не за то, чтобы я прислуживал.

Наблюдая за перепалкой, Дара старалась не шевелиться. Сколько оскорблений сможет вытерпеть Чернава? После каких слов или действий она заставит Михала расплатиться?

Не пришлось долго ждать ответа. Чернава даже пальцем не пошевелила. Лицо мужчины исказила гримаса, он вдруг схватился за голову, упал на колени.

— Хватит!

Лёгкая улыбка коснулась губ Чернавы.

— Михал, ты влачишь убогое существование. — Она повела длинными пальцами, и мужчина покатился по полу, держась за голову. — И ты сдохнешь в нищете, если мы тебе не поможем. — Легко играя с нитями заклятия, Чернава развязала узлы. Мужчина поднял голову, лицо его опухло, глаза покраснели и налились кровью. — А мы не будем помогать тебе, Михал, и тем более платить, если ты продолжишь дерзить и не подчиняться нашим приказам. Ясно?!

Лёгкий кивок, опущенный пристыженный взгляд. Михал утёр нос и поднялся с пола, сторбившись, ещё более жалкий, чем прежде. Он ушёл, хромая и шаркая драными ботинками.

— Затопи камин, Михал! — крикнула ему вслед Чернава.

Из-за стены послышалась возня.

Дара огляделась по сторонам. Всё вокруг было такое грязное, что даже присесть на лавку она побрезговала.

— Как тебе твой новый отец? — ехидно спросила Чернава.

— Этот? — Дара оглянулась на дверь. — Этот человек притворится моим отцом? — Она не сдержала презрения.

— Михал знатного рода, он готов за определённую плату признать тебя своей дочерью. Так ты сможешь войти в круг общения принца. Не сразу, но сможешь. Думаю,

связи Милоша нам тоже пригодятся. Как думаешь, получится уговорить его помочь?

Из груди Дары вырвался тяжёлый вздох. Когда она согласилась стать Вороном, то даже не подозревала, что они задумали. Ей нужна была помощь, чтобы спастись от Хозяина леса, а в итоге она угодила в новую беду.

Как бы теперь избавиться от Воронов?

— Неужели ты не понимаешь, что у нас ничего не получится? Никто не поверит, что я знатная госпожа.

— Господица, — поправила её Чернава. — В Рдзении принято говорить «господица» о знатной незамужней девушке. Тебе стоит это запомнить.

— Всё равно. Мне в жизни не стать женой принца.

— Доверься мне, Дара. Я знаю, что делать.

— Неужели кто-то поверит, что это дом знатного человека?

— Нищего, но по-прежнему знатного. — Чернава пожала плечами, и одеяло спало с груди, она натянула его обратно. — Среди приближённых короля сила крови и древность рода ценятся куда больше, чем красота, ум или способности. Ты можешь быть лучше их всех вместе взятых, но без должного происхождения не будешь никогда считаться им равней.

Дочку мельника и вправду нельзя было назвать равней князю или королю. Даре это, может, и казалось странным, но не таким уж и обидным. Так было всегда заведено.

— Но ты хочешь, чтобы я вышла замуж за принца?

— А ты — нет? Кто не хочет стать королевой?

В растерянности Дара помотала головой, не соглашась, но и не отрицая. Наверное, каждая девушка мечтала править целым государством, носить лучшие наряды и драгоценности, жить в огромном неприступном замке. Вряд ли королеве стоило чего-либо бояться. Куда бы Дара ни пошла, везде её поджидали враги. Верно, потому Злата и стала княгиней: чтобы иметь власть над другими.

— Не беспокойся. Ты мало ещё знаешь о том, как всё устроено в Совине, но поверь, тебе понравится при дво-

ре. — Чернава поднялась с кресла. Она двигалась легко, так изящно, точно по полу за ней тащилось не старое одеяло, а меховая мантия.

— Я не представляю, что нужно будет делать и как себя вести. — Дара теребила рукава рубахи, раздирая вышивку. Самой себе девушка вдруг показалась нелепой.

— Для этого есть я, — Чернава коснулась лица Дары кончиками пальцев, заправила прядь волос за ухо, и Дарина едва сдержалась, чтобы не отстраниться. — Я научу тебя всему: как говорить, как одеваться, как держать себя. Начни с простого: представляйся госпожой, так положено называть незамужнюю девушку из благородной семьи. И нам стоит придумать тебе новое имя, — Чернава прищурилась, разглядывая её придиричливо.

— Чем тебе не угодило моё имя?

— Ты успела наделать шуму в Златоборске. Наверняка слухи о лесной ведьме рано или поздно долетят и до Совинской знати. К тому же благородный человек из Империи не назвал бы свою дочь Дариной. Может, Хеленой или Зофьей?

Дара поморщилась. Эти имена совсем ей не подходили. Они были властными, величественными и изящными одновременно. Имя Дарины рычало и царапало еловыми иглами кожу до самой крови.

— Мне нравится моё имя.

— Оно твоё второе, правильно? Первое, истинное всё равно знаешь только ты и твои родители.

Да, настоящее имя, как и второе, дала её мать, которую звали так же, как эту женщину. Мать, которая тоже некогда была чародейкой Совиной башни.

Черты лица, тёмные глаза, поджатые упрямые губы, даже эта морщина между бровей — Чернава была слишком похожа и слишком непохожа на дочку мельника. Она могла быть просто ещё одной чародейкой башни, но даже от одной мысли, что она являлась той самой Чернавой из Великого леса, Даре становилось тошно, и прикосновения обжигали, как раскалённая кочерга.

Слова резкие и горькие были готовы сорваться с губ, Дара почти приняла решение, когда по дому разнёсся грохот. В дверь постучали.

— Кто там ещё? — Чернава прищурилась, в миг оказалась у порога, выглянула из-за угла. — Михал, открой, — прошептала она. — Но не вздумай никому о нас говорить.

— Я похож на дурака?

— Очень.

В Даре нечто мгновенно переменялось, она действовала не задумываясь, доверившись собственным чувствам. Она приставила лавку к окну, приоткрыла ставни, готовая сбежать из дома, если понадобится.

— Да озарит Создатель твой путь! — послышалось от входной двери.

— Да не... кхе-кхех! — голос Михала сорвался, и Дару пробрал озноб. Она не могла видеть никого сквозь стену, но неведомым образом догадалась, кто стоял на пороге.

— Господин, ты...

Как Дара ни напрягала слух, больше ничего расслышать не смогла. Она обернулась на Чернаву, та застыла на месте, выпучив глаза. Черты лица обострились, нос показался огромным, точно клюв, и она вдруг напонила всем своим видом Драгана — хищная птица, что вот-вот вопьётся когтями в жертву.

— ... Видели чародея... — донёсся голос от двери.

— Нет! — рявкнул Михал. — Никаких чародеёв. Это нет, вообще нет, господин Охотник. Я дома сижу, никуда не хожу.

Дару пробила дрожь. Девушка облокотилась о подоконник, пытаясь устоять на ногах.

Снова неразборчивая речь. О чём они говорили? Мог ли Михал знаком или словом выдать Дару и Чернаву? Мог ли он намекнуть Охотнику, что прямо в этом доме скрывались ведьмы?

Хлопнула дверь.

Огромной тенью Чернава пролетела по залу, оказалась у окна.

— Он не стучится в соседние дома.

– Что?

Чернава вцепилась в подоконник длинными тонкими, точно когти, пальцами, оскалилась.

– Он пришёл сюда намеренно. Он не искал чародея, он знал, что мы здесь. Нельзя дать ему уйти.

– Постой!

Дара вцепилась в одеяло, оно осталось в её руках. Створки ставней распахнулись. Чернава взлетела на подоконник, спрыгнула нагая на землю. Охотник успел только обернуться, как рука чародейки прочертила линию.

Мужчина упал, серый плащ взвился и накрыл его с головой. Охотник забарахтался, путаясь в собственной одежде, попробовал подняться. Чернава уже оказалась рядом.

Дара залезла на подоконник, высунулась из окна.

– Стой! Нас заметят! – Лихорадочно она огляделась по сторонам. Окна в соседних домах были темны, никто не услышал криков.

Хрип. Тело Охотника забило в судорогах. Чернава стояла над ним обнажённая, безжалостная. Лицо её скривилось, жёлтые зубы ощерились в оскале, ветер развевал чёрные волосы, и когтистые руки Ворона изогнулись в страшной жуткой пляске. Пальцы, нити, снег и тьма.

– А! – Чернава вскрикнула, вдруг изогнулась, выпячивая обнажённую грудь. По телу её прошла судорога, на лбу выступила испарина.

Охотник больше не шевелился. Брезгливо пальцами ноги Чернава откинула плащ с его лица, медленно оглянулась на Дару. Глаза женщины стали совсем чёрными, черты лица смягчились. Она улыбалась блаженно, как если бы испытала невероятное наслаждение.

– Нужно, – прохрипела она. – Спрятать.

Слабой, безвольной рукой она поманила к себе Дару, и та перелезла через подоконник. Ноги подгибались, когда она приближалась к телу. Глаза бегали по сторонам. Кто-нибудь их заметил? Кто?

– Ты нас погубишь, – прошипела Дара.

– Хватай за ноги, – Чернава улыбнулась пьяно, с издёвкой. Ей был смешон чужой страх. – Я за руки. Ох, тяжёлый, курва...

Кряхтя от натуги, они протащили Охотника к крыльцу, Дара со всей дури начала бить кулаками в дверь. Михал открыл не сразу. Он был сердит и мрачен, но лицо его мгновенно вытянулось от удивления. Кажется, он сразу протрезвел.

– Создатель! Что вы...

– В сторону! – гаркнула Чернава.

Вдвоём с Дарой они втащили Охотника в дом, Михал поспешно захлопнул за ними дверь.

– Что ты натворила, ведьма?! – Одутловатое красное лицо перекошилось от ужаса, губы мужчины задрожали.

– Спасла твою бестолковую жизнь. Охотник понял, что ты врёшь. Он бы вернулся позже с подкреплением и забрал тебя на рудники на Холодную Гору.

Молча Дара обхватила себя руками. Всё повторялось. Они снова убили Охотника. Его смерть не могла остаться незамеченной. За ними придут.

– Его будут искать, – проговорила она негромко.

За ними придут. Запалят костры.

Чернава оглянулась через плечо. Она по-прежнему оставалась обнажена, но, кажется, ничуть этого не стыдилась, напротив, держалась ещё величественнее, чем прежде. Её немолодое дряблое тело показалось неожиданно совершенным, таким сильным и прекрасным, что нельзя было не позавидовать её красоте.

– Его обязательно найдут... где-нибудь в канаве с несколькими ножевыми ранениями. В Совине достаточно самых отчаянных подонков, которые даже Охотников не побоятся ради наживы.

Дрожь не проходила. Дара обнимала себя руками, пытаясь побороть озноб. К горлу подступил ком.

Михал схватился за голову, заметался от двери к противоположной стене. Туда-обратно.

За ними придут. За ними придут.

Туда-обратно.

Охотник был мёртв. Мёртв. Этого не исправить.

Туда-обратно.

За ними придут.

— Если ты будешь такой жалкой и слабой трусихой, Дарина, то однажды тоже окажешься в канаве, — процедила Чернава. — Михал, принеси простыню или мешок. Нужно спрятать тело. Дарина, помоги...

За ними придут.

— Дарина!

— Не называй меня так! — она сорвалась на визг, отскочила к стене. — Не называй меня по имени. Ты...

Чернава была слишком на неё похожа. До ужаса, до отращения, до тошноты.

— Не называй меня по имени.

Перед завтраком Стжежимир вдруг вспомнил, что у него был ученик.

— Эй, ты, — он заглянул на кухню и ткнул в Милоша пальцем, — за мной.

В мастерской ещё не горел огонь. Вид у Стжежимира был сонный, учитель даже не накинул свой любимый бидьярский халат поверх ночной рубашки.

— Ты сегодня собирался к Чаславу Лисице?

— Сразу после завтрака.

— Тогда слушай.

Милош готов был весь обратиться в слух, но Стжежимир упёрся руками в колени, нахмурился и замолчал. И он молчал. Долго. Шевелились брови, точно мохнатые гусеницы, кривился рот, пальцы стучали по коленям, но сам Стжежимир не произнёс ни слова. Милош устал ждать, но он знал, что торопить учителя не стоило. Любое неосторожное слово могло вывести его из себя.

— Значит, так, — Учитель хлопнул себя по коленям. — Мне нужен принц Карл.

— В каком смысле?

Стжежимир взглянул на него, испепеляя взглядом.

— Я не умею читать мысли, учитель. Было бы неплохо, если бы ты объяснил...

— Мне нужно, чтобы ты втёрся к нему в доверие, — Стжежимир вдруг покачал головой, устало вздыхая. — Поверить не могу, что вяжываюсь в это.

— О чём речь?

— На, — Старик схватил с рабочего стола свёрнутую бересту и кинул Милошу, он потянулся вперёд, поймал. — Читай.

Неохотно Милош развернул бересту. Если дело касалось принца Карла, то он бы предпочёл вовсе ничего не знать.

Мелким витиеватым почерком была исписана вся береста. Милош подошёл к окну, чтобы лучше разглядеть, прочитал один раз, не поверил своим глазам и перечитал ещё дважды.

— Дару?! — вырвалось у него, наконец. — Дару?! — Ничего другого он сказать не смог, от возмущения и удивления язык у него заплетался. — Она же... она же...

— Это не я придумал, — взмахнул руками Стжежимир. — Но леший знает, вдруг что получится? К тому же чем ближе мы будем к королю, тем лучше.

— Дара в жизни не сможет притвориться знатной госполицей. От неё воняет кметами.

— Значит, отмоем.

Милош с презрением бросил бересту обратно на стол. Вороны решили выдать Дару замуж за Карла. Дару! За принца! В жизни он не слышал ничего безумнее.

— Тебе самому эта затея кажется глупой, — внутри всё скручивалось, выворачивалось наизнанку.

— Послушай, я согласен, что это невысказанная глупость, — кивнул Стжежимир. — И я знаю наверняка, что у Воронов ничего не получится. Но, во-первых, нам нужно сохранять видимость дружбы с Чернавой и Здиславой. Они должны верить, что мы работаем вместе.

— А во-вторых?

— В некотором смысле в их затее есть здравый смысл. Я мог бы устроить...

Стжежимир отвернулся к окну, сцепил пальцы рук.

— Я бы давно мог устроить в замке свою Хмельную ночь. Король и вся его семья верят мне: они пьют, что я скажу, едят, что я скажу. Но... если королевский род исчезнет, мы с тобой не выиграем от этого. К власти тут же придёт кто-нибудь из членов Совета, или Лойтурия пришлёт своих наместников. Для нас с тобой ничего не изменится.

— Дара — королева? — Милош вскинул брови.

— Карл легко поддаётся любым закланиям, ты сам знаешь. Мы можем воздействовать на его разум.

— Король не позволит.

— Король стар. Ему недолго осталось, — Стжежимир постучал пальцами по подлокотнику. — Да и с Карлом лучше поспешить. Его время тоже истекает.

— Что?

Учитель выглядел раздосадованным.

— Это всё Чернава, — произнёс он неохотно. — Она прокляла королевский род. Никто из детей короля не доживёт до двадцати лет, любой его потомок тоже. В ближайшее время род короля прервётся, так что некому будет править, кроме жены Карла. Понимаешь, почему так важно, чтобы будущие наследники были чародеями или хотя бы нашими союзниками?

— И ты хочешь, чтобы это была Дара? — фыркнул Милош.

— Это дурная затея, но послушай... Мы не можем сменить власть одной только силой. Нужно действовать хитростью, искать разные пути. Один из них пусть будет безумным, а пока Вороны отвлеклись, мы найдём другой.

— Это какой же?

— Отведи Дару к Совиной башне. Поищите там исток, о котором она говорила. А если его не осталось, то добейся дружбы принца. Сделай так, чтобы Часлав свёл вас.

— Карлу никогда на свете не приглянется кметка.

— Ты и сам прекрасно знаешь, как легко повлиять на мысли Карла. К тому же разве ты не смог бы научить Дару, как соблазнить его?

Какая же невыслымая дурь!

Милош поджал губы.

— Мало раздвинуть ноги перед принцем. Никто не примет безродную девку в королевскую семью, — процедил он сквозь зубы.

Учитель не стал спорить.

— На это я не надеюсь. Но сам вспомни, как часто байстрюки захватывали власть? Так почему бы не посадить на рдзенский престол сына ведьмы? Мы должны испробовать всё, что можем, Милош. Нам нужно придумать десятки и десятки путей, чтобы возродить Совиную башню. Наверное, только один из этих путей окажется верным, а быть может, его вовсе не существует. Скорее всего, рано или поздно нас раскроют и казнят.

— Что ж, в таком случае подберу наряд покрасивее для встречи с Охотниками. Хочу выглядеть шикарно, когда меня сожгут на городской площади.

Ежи всегда чувствовал себя на людной улице чуть спокойнее. Когда вокруг находилось много незнакомцев, то никому не было до него дела.

После рассветной службы мать обычно отправляла Ежи на рынок, и он испытывал особое умиротворение, покупая репу и лук, торгуясь из-за мешка муки и выбирая свежую рыбу на прилавке. Для торговцев он был всего лишь ещё одним кухонным мальчишкой, которых отправляли за покупками богатые горожане. Ежи на время становился безликим, незаметным, и вряд ли хоть кто-то задерживал на нём взгляд дольше, чем на те короткие мгновения, пока он расплачивался за покупки.

Но в то утро что-то пошло не так. Нет, конечно, Ежи всегда был боязливым и даже излишне осторожным, он и сам об этом знал. Он часто не мог заснуть из-за беспокойства, лицо его покрывалось пятнами от страха, пару раз у него даже начиналась горячка просто из-за дурных мыслей. Стжежимир советовал ему пить ромашковый от-

вар и «меньше думать». Но в то утро действительно что-то пошло не так.

Ежи был готов поклясться, что он не ошибался. Обычно он вообще редко обращал внимание на других людей, но ратиславцев он теперь узнавал везде и повсюду, а эти ратиславцы были высокими боролатыми громилами с такими яростными глазами, какие бывают у бешеных быков. И они смотрели прямо на Ежи.

В первый раз они столкнулись у прилавка с репой. Мужики стояли прямо напротив и не сводили с Ежи глаз.

– Вам помочь? – спросил Ежи.

– Чё? – вопрос выдал мужика с головой. Рдзенец бы скорее спросил «шо?»

– Репу выбрать нужно помочь?

– Не, не, мы не жрём репу, – мужики переглянулись и пошли дальше по ряду, и Ежи бы забыл их, но заметил снова меньше чем через лучину у другого лотка. Можно было, конечно, поверить, что они, как и Ежи, выбирали нитки и иголки, но ни один из ратиславцев даже пальцем к товару не притронулся.

Если бы Ежи мог, он бы закричал от ужаса на всю торговую площадь. Но если бы он закричал, так пришлось бы потом рассказывать всем, что с ним приключилось минувшим летом в Ратиславии, и тогда его бы побили уже рдзенцы.

«Они за мной? Или за Милошем? Или за...»

Конечно, они пришли за лесной ведьмой. От бессильной злобы Ежи едва слышно застонал. От Дарины были одни беды. Если бы только он знал, как от неё избавиться.

Поспешно выбрав иголки и совсем забыв про нитки, Ежи перехватил поудобнее корзину и поспешил уйти с Торговой площади. Он хорошо знал город и мог попытаться запутать ратиславцев, если бы им пришлось в голову его преследовать.

Сначала Ежи направился к уличным музыкантам, там всегда собиралось много зевак. Юноша втиснулся в толпу, расталкивая всех корзиной. Дальше к мясному ряду, где среди повозок, ящиков и бесперебойного стука мясниц-

ких ножей легко было затеряться. К корчме, где круглый день гулял народ. Никто не попытался остановить Ежи, когда он вышел через чёрный ход.

А дальше со всех ног до улицы Королевских мастеров. Ежи бежал без оглядки, задержался только на мгновение, чтобы выглянуть из-за угла, проверить, не последовали ли за ним ратиславцы. И снова бегом до самого дома.

Он остановился только у идола Пшемыслава Толстяка. Каменная морда поприветствовала его пустым равнодушным взглядом, Ежи потрепал её по затылку, постоял, пытаясь отдышаться. От дома Пшемыслава уже хорошо видно было родное крыльцо, а на нём стояла Весняна. На лице Ежи сама собой расплылась широкая улыбка. Вся тоже улыбнулась и помахала ему. Ежи уже вскинул руку, чтобы помахать в ответ, когда заметил невысокого мужчину в кожаном дублете. Незнакомец на ходу обернулся к Весе, послал игриво воздушный поцелуй.

— Бывай, красавица! — выкрикнул он на редкость противным голосом.

Ежи застыл на мгновение и смущённо опустил руку. Это мужчине в дублете Весе махала, ему улыбалась.

Незнакомец прошёл мимо Ежи, и тот наконец смог его разглядеть. Нос вздёрнутый, веснушчатый, улыбка от уха до уха, а между зубов щель.

«Вот урод».

Только когда незнакомец в дорогом дублете скрылся за поворотом, Весе заметила Ежи.

— О, ты уже вернулся! Иди скорее домой, холодно же.

«Однако ты готова была помёрзнуть, чтобы построить глазки этому щербатому уроду».

— Это кто такой был? — спросил недовольно Ежи.

— Земляк мой. Представляешь? Случайно познакомились. Ростислав спросил, как дойти до Торговой площади, а я...

— Ростислав? — переспросил Ежи.

— Да, а что? — Глаза Веси горели от радости, и от этого Ежи только больше разозлился.

— Дурацкое имя какое-то.

— Уж точно лучше, чем Ежи. Это что вообще за имя?

— Имперское, между прочим, — вспыхнул юноша.

Он уже понял, что всё испортил. Веся обиженно фыркнула и зашла в дом. Ежи уже хотел пойти следом, когда его вдруг осенило.

Ратиславец. Ещё один ратиславец, который совершенно случайно прошёл мимо их дома и совершенно случайно заговорил с Весей. Ежи взбежал на крыльцо и оглянулся по сторонам, но заметил только старую служанку соседней, которая покосилась на него как на умалишённого.

Ежи захлопнул дверь и прижался к ней спиной.

Кажется, за ними следили.

— Милош! — Он бросил корзину у порога и взбежал вверх по лестнице. В спальне друга не оказалось, в мастерской Стжежимира тоже. Ежи заглянул в последнюю очередь на кухню. Друг сидел там. — Милош, нужно срочно поговорить.

— Ты корзинку не потерял? — перебила его мать. — Мне нужна репа.

— А... а, да, сейчас.

Когда Ежи выложил все покупки на стол, Милош как раз закончил завтракать.

— О чём ты хотел поговорить?

— А, это, — Ежи опасно оглянулся на Весю и мать. Не стоило беспокоить женщин, им лучше было оставаться в неведении. — Да это просто... потом, — он округлил глаза и всем своим видом показал, что разговор был важный, но не для чужих ушей.

Милош кивнул и поднялся из-за стола.

— Радость моя, всё было очень вкусно, — он чмокнул Горицу в щёку и прошёл мимо Веси, щёлкнул её по носу и подмигнул. Девушка залилась краской.

Ежи поспешил за другом. Когда они остались вдвоём в спальне Милоша, получилось наконец рассказать обо всём, что случилось за утро.

— Не слишком ли много ратиславцев? — от волнения у Ежи горели щёки.

Слегка хмурясь, Милош открыл ларец и принялся измерять по очереди перстни, выбирая, какие лучше подошли к его зелёному наряду.

— Может, и много. Но зачем мы им нужны?

— Разве лесная ведьма не скрывается от кого-то из Ратиславии? Они могли за ней прийти. И непонятно, что им нужно. Они хотят убить её? Или похитить? Если второе, то мы могли бы отдать им Дарину. Я сам готов её в мешок запихать.

Не сдержав смеха, Милош помотал головой.

— Подожди, она пока нужна Стжежимиру, — он открыл сундук и достал три пояса, каждый украшенный камнями. — Какой больше подойдёт?

— Этот, наверное, — Ежи ткнул наугад в первый пояс. — Милош, у меня к тебе просьба...

— Да? — друг вскинул бровь. — А я думаю, что лучше этот, — он наконец выбрал пояс. — Больше подойдёт по цвету.

— Я хотел спросить...

Из сундука Милош достал маленькое дутое зеркало.

— Подержи, — он сунул его в руки Ежи и попытался разглядеть свой наряд в отражении, повязал выбранный пояс. — Так что ты хотел спросить?

— В общем, — Ежи от растерянности опустил зеркало, и Милош недовольно поправил его руки, заставляя поднять их выше. — Когда я был на Трёх Холмах, то нашёл там чародея.

Наконец-то Милош отвлёкся от созерцания своего отражения.

— На Трёх Холмах? Чародея? Как ты его узнал? Он колдовал?

— Он давно умер.

Между бровей у Милоша пролегла морщина.

— То есть не умер. Он проклят. Его зовут Войцех, во время битвы на Холмах он получил какое-то проклятие и теперь он мёртв, но как бы нет... он дал мне Совиний оберег, — Ежи вытащил из-под рубахи знак башни. —

И попросил найти других чародеев, чтобы подарить ему покой.

Милош потянулся к оберегу, но на полпути его рука замерла. Он сделал шаг назад, точно боялся обжечься.

— Мне сейчас не до Трёх Холмов, Ежи, — он забрал зеркало и положил обратно в сундук. — У нас есть важные дела здесь, в Совине. Покидать город в ближайшее время я не планирую, и без того слишком многое упустил.

— Но, Войцех...

— Ежи, это какой-то давно проклятый, как ты говоришь мёртвый чародей. Почему мне должно быть до него дело?

— Он ведь один из ваших. Разве ты не хочешь ему помочь?

— Мне бы сначала помочь живым.

— Если бы ты попросил Стжежимира... — надежда уже почти потухла в груди Ежи.

— Ему точно не до мёртвых чародеев с Трёх Холмов.

— Но...

Милош похлопал Ежи по плечу, но взгляд задержался на Совином обереге на груди, и трудно было понять, что почувствовал при этом Милош. Он никогда не рассказывал о своём детстве, Ежи не был уверен, что друг вообще помнил жизнь до Стжежимира. В конце концов, он был совсем ребёнком, когда случилась Хмельная ночь.

— Прости, может, потом когда-нибудь, когда это всё утрясётся, — Милош открыл дверь, собираясь выйти. — И не переживай по поводу ратиславцев. Их всегда было много в городе, просто ты не обращал внимания. Мы отвыкли от столицы, пока сидели в деревне, но скоро всё станет по-прежнему.

Он ушёл, и Ежи остался один. Ему стоило спуститься на кухню и помочь матери, но совсем не было желания ни работать, ни тем более находиться рядом с Весняной, и он выглянул из окна, провожая печальным взглядом Милоша, который пошёл по улице к Огненному переулку.

На улице Королевских мастеров было шумно. Портниха из «Шёлкового шлейфа» ругалась с извозчиком, какой-то мальчишка малевал углём усы каменному идолу, а Пшемыслав Толстяк кричал на него из окна. Кажется, всё было по-прежнему, но раньше Ежи не чувствовал себя настолько лишним в родном доме.

— Ах ты курва! Только мне попадись! — Пшемыслав вылил из окна ночной горшок.

Мальчишка бросил уголь на землю и отпрыгнул в сторону. Содержимое горшка попало на здорового мужика, проходившего мимо.

— Урою, сука! — выругался он по-ратиславски.

Ежи упал на пол, пытаясь скрыться. Вряд ли его успели заметить, но это было уже не важно. Он узнал этого ратиславца. Ошибки быть не могло. Под окнами стоял тот самый мужик с Торговой площади. Значит, Ежи оказался прав. За ними следили.

— Милош, сукин ты сын! — Часлав вскинул кубок, и вино едва не забрызгало его бархатный дублет. — Где тебя носило? — он выпил залпом, всучил кубок первой попавшейся девке и заключил Милоша в объятия.

Лютня играла пронзительно громко, а юноши в позолоченных полупрозрачных нарядах пели столь томно, что Милош едва смог сосредоточиться на словах Часлава. Видеть его морду было так же противно, как и полгода назад, но Милош улыбнулся очаровательно, приобнял его за плечи.

— Кня-ажич, — протянул он развязно. — Да ты соскучился, я смотрю?

Часлав провёл залитой вином рукой по волосам, заправил пряди за уши, чтобы лучше было видно золотые серьги.

— Не ожидал, что без тебя придётся хуже, чем с тобой.

— Не с кем пить?

— Пить всегда есть с кем, — поморщился княжич. — Не со всеми так весело.

Они слишком долго смотрели друг другу в глаза, Милош едва сдержался, чтобы не скривиться от отвращения.

— Долго там миловаться будете? — слышалось от стены.

В стороне сидели товарищи Часлава. Пьяные, красные от вина и уставшие от внимания девушек и парней, они развалились на подушках, некоторые уже спали. Милош не стал ждать приглашения, он прошёл в середину, вырвал из-под чьей-то головы подушку и сел на неё.

— Рад видеть, что ты не меняешься, — Часлав рухнул в объятия полуобнажённой девушки, положил голову ей на грудь и прикрыл глаза. — Где тебя носило?

— На Благословенных островах, учился целительству.

— Вылечи Премыслу запор, а то он вечно сидит с таким видом, будто седмицу просрать не может, — проговорил Часлав, довольно улыбаясь, пока девушка ласково перебирала пряди его волос.

Если бы толстяк Премысл не покраснел от стыда, Милош бы даже не догадался, что речь шла о нём. Товарищей Часлава запомнить было сложно: они мало говорили, все они, даже силач Вацлав, боялись прогневать Часлава, никто из них не был так же знатен, каждый желал подлизаться к сыну советника, и Милош был в их числе, иначе разве стал бы он терпеть его тупость и самовлюблённость?

В Дом наслаждений госпожи Франчески Милош тоже пришёл не просто так. Полгода он провёл вне столицы, потерял слишком много времени, слишком много связей. И если остальными можно было пожертвовать, если на место прежних друзей Милош мог легко найти новых, то с Чаславом у него существовала особенная связь, и потерять её было бы огромной ошибкой.

И Милош закурил, обсасывая мундштук, дожидаясь, пока друзья Часлава напьются до такого состояния, что перестанут понимать человеческую речь.

— Как наши дела, Часлав? — спросил он, когда Вацлав наконец заснул.

— Дела-а? — Княжич скосил глаза и издал звук, похожий на мурчание, когда девушка почесала его за ухом.

— Меня давно не было. Наверное, многое изменилось.

— Обязательно сейчас?

— А когда ещё? Если хочешь, зайду к тебе в западное крыло.

Часлав недовольно поморщился и приподнялся, махнул девушке рукой, чтобы отошла, внимательно посмотрел на друзей, убедился, что они крепко спали, прежде чем заговорить.

— Всё прекрасно, — проговорил он негромко. — Я притащил туда пару человек, они подтянули своих знакомых. В общем, всё пошло по нарастающей.

— Сколько?

— Достаточно.

— Сколько? — настойчивее повторил Милош.

Прищурившись, Часлав скривил веснушчатый нос.

— Милош, дружище, ты исчез без всякого предупреждения.

С первых слов всё стало ясно, и Милош замер, сдерживая рвущуюся ярость. Курва.

Алчная поганая курва!

— Мне всё пришлось решать самому. Всю работу я взвалил на свои плечи, — надув губы, как капризный ребёнок, Часлав скорчил жалобную мину.

— Я договорился обо всём с Фэн Е, — Милош опустил взгляд на свои руки. Он знал, что глаза его горели злобой, и только голос звучал мягко и вкрадчиво.

«Однажды я напою тебя допьяна, Часлав, и ты, сволочь, уже не проснёшься».

Говорили, что во время Хмельной ночи именно отец Часлава добивал выживших. Отравленные чародеи пытались выбраться из пиршественного зала, а Болеслав Лисица закалывал их ножом.

Он был пьян и повторял без остановки:

— Из них вылетит бес, если наделать побольше дырок.
Вылетит бес, нужно просто больше дырок!

После ребягня в Совине придумала считалку:

— Чародея режь ножом,
тыкай прямо под ребро.
Вышла кровь, с ней выйдет бес.
Зубы щерит, хоп — исчез!
Ты скорей его лови,
всё равно тебе водить!¹

И Милош убежал от воды со всех ног, убежал, пока не научился притворяться, что ему не страшно.

«Чародея режь ножом».

Нет, ему вовсе не страшно. Ему весело, ему смешно представлять, как будет корчиться чародей, если проткнуть его ножом десять, двадцать, тридцать раз.

Спустя годы Милош научился изображать веселье так искусно, что сам в него поверил. Он научился улыбаться тем, кого ненавидел всей душой, научился обнимать их, даже целовать.

Он улыбнулся и на этот раз.

— Так и быть, хитрый ты гадёныш, — произнёс он, качая головой. — Ты прав. На тебе было много работы, и ты заслужил эти деньги.

Часлав пьяно улыбнулся, потянулся рукой к кубку, случайно толкнул его, расплескав вино на ковёр.

— У нас теперь всегда людно. Народ не самый богатый, но его много. По вечерам яблоку негде упасть. Корооче, дело идёт хорошо.

— Но мы могли бы заработать ещё больше.

Глаза у княжича были пьяные, взгляд мутный.

— Это как же?

— Нам нужно меньше людей, Часлав. Но те, кто приходит, должны быть лучшими.

— То есть?

Тупой звериный взгляд. Серые маленькие глаза. Лисица напился до того, что с трудом стал соображать.

¹ Прокопьева Полина.

— Нам нужны лучшие люди в столице, Часлав, — вкравчиво произнёс Милош. — Такие, за которыми вслед придут богачи, готовые оставить нам кучу золота. Мы должны пригласить к себе принца Карла.

ГЛАВА 4

Потому что снег летит
вертикально вверх,
Потому что не будет выше,
смелее, слаще.

*«Об устройстве небесного свода»,
Мельница*

Рдzenia, Совин Месяц листопад

Дару разбудил негромкий стук. Она была рада, что прервался тяжёлый сон. Каждую ночь она просыпалась в холодном поту: воспоминания о лесе мучили её, но даже они были лучше тех, в которых виделась родная мельница и Старый Барсук.

Совин не принял её так же, как до этого не принял Златоборск. Даре оказалась противна жизнь в городе. Каменный лабиринт улиц выглядел холодным и бездушным. Зима задувала в каждую щель, морозила до самых костей. Большая печь плохо грела короткими зимними днями, а ещё хуже — долгими ночами. Дара хотела бы чаще оставаться на кухне, ближе к очагу, но Стжежимир часто отправлял её на улицы города слушать разговоры торговцев, наблюдать за совинскими господицами и привыкать походить на них во всём, хотя Даре казалось, что ничем, кроме платья, рдзенцы от ратиславцев и не отличались, шипели разве что как змеи, когда говорили.

Но Стжежимир учил её совершенно бесполезным вещам: троутоскому языку, молитвам, походке, даже разговору. Ему казалось, что Дарина всё делала неправильно.

«Так совинские господицы себя не ведут».

Дара не хотела быть совинской госпожой. Она хотела вернуться домой и избавиться от власти лешего, Мораны, Воронов и Охотников — ото всех, кто мешал спокойно жить. Но это было невозможно, и поэтому приходилось заучивать троугоские слова, ходить на рассветную и закатную службы в храм и вышивать рдзенские знаки на поясе.

Направляясь в Совин, Дара мечтала научиться управлять чародейской силой, стать сильнее, но с каждым днём она чувствовала себя всё слабее и отчаяннее. Она почти не разговаривала с сестрой, редко видела Милоша, а все остальные в доме относились к ней с презрением. Дара дурно спала и просыпалась от любого шороха.

Как и той ночью.

Её разбудил стук. Дара присела на лавке. Стук повторился. Был он странный, как если бы кто-то бил остриём ножа по дереву. Дара оглянулась на сестру, но Веся крепко спала.

Снова стук. Он доносился от оконного проёма.

Дара поднялась, кутаясь в шерстяное одеяло и пошла на звук, приоткрыла ставни, на улице всё ещё было темно, и сквозь мутный бычий пузырь удалось разглядеть лишь чёрную тень. Та шевельнулась, и рядом с окном — прямо в раму — снова постучали. А в следующий миг взметнулось чёрное пятно.

Птица.

Дара обернулась, проверяя, не проснулась ли сестра.

В доме было тихо.

Дара прокралась к лестнице, укрываясь одеялом. Ступени едва слышно закрипели. Наверху, где располагались ложницы, не горел свет. Ещё выше, на чердак можно было забраться только по приставной лестнице. Там оказалось на удивление тепло и светло: под растянутым навесом из бычьего пузыря пылал в стеклянном шаре огонь, оберегавший от холода растущие в деревянной кадке травы: Стжежимир с помощью чар заставлял их расти круглый год.

— Дай одеяло, — раздался хриплый, будто каркающий голос из угла.

Сжавшись и прикрываясь руками, на старом сундуке сидела Чернава. Стыда от собственной наготы она не ис-

пытывала, но дрожала от холода, и Дара неохотно отдала ей одеяло, оставаясь в одной рубашке. Она подошла ближе к навесу с травами, от которого шло тепло, села у кадки, облокотившись спиной.

Чернава закуталась и прошла к Даре, опустилась рядом. Чёрные глаза беспокойно бегали из стороны в сторону.

– Как тебе в Совине?

– Пусто и холодно.

– В Ратиславии зимы куда морознее.

Дара недовольно передёрнула плечами.

– Ты пришла о погоде поговорить?

Черты лица Чернавы обострились.

– Михал мёртв, – проговорила она резко. – И это даже к лучшему. Ты заберёшь документы из его дома и пойдёшь к голове города, потребуешь своё наследство: дом, титул и всё, что причитается.

– Мёртв? Что случилось?

Голые плечи вздрогнули. Чернава обхватила себя руками, пытаясь согреться. Уголки её губ опустились.

– Допустим, я убила его.

– Что?!

– Тише, разбудишь всех в доме, – Чернава присела на край кадки, нахохлилась. – Михал вчера ходил в храм. Он был пьян вдрызг и умолял Пресветлого Брата о прощении грехов, каялся в алчности и даже ляпнул что-то про ведьм. Если хоть одна живая душа догадается о нашем существовании...

Сердце сжалось от страха, и капли жалости к Михалу тут же испарились.

– Пресветлый Брат понял, о чём речь? Михал назвал наши имена?

– Здислава не разобрала весь их разговор, но точно услышала слово «ведьма» несколько раз. Мы не могли ждать, пока он кому-нибудь проболтается. Если этот ту-пица однажды уже раскрыл рот, так и во второй раз мог что-то ляпнуть.

Страх перед Охотниками, перед неминуемой смертью немного затих, и Дара испытала ужас при одной только

мысли, как легко Вороны разделялись с теми, кто был им неуютен.

— Значит, мне больше не нужно будет притворяться дочерью Михала?

— Наоборот, ты теперь его осиротевшая дочь. Так даже лучше. Отец-пропойца создал бы о тебе дурное впечатление в высших кругах. Но одинокая знатная девушка — это совсем другое дело. Кстати...

Чернава протянула руку, касаясь волос Дары, и та сначала хотела отпрянуть, но заставила себя остаться на месте и выдержать чужое прикосновение.

— Твои волосы не годятся для дворянки, — задумчиво произнесла Чернава. — Погоди...

Она вдруг вздрогнула, зашипела, прикусывая губу, и сильнее ухватилась за косу Дары.

— Что с тобой?! — воскликнула девушка, но неожиданно сама пошатнулась и не упала только потому, что удержалась за край кадки.

Лицо Чернавы посерело, а лоб покрылся испариной. Одеяло выпало из разжавшихся пальцев. И неожиданно волосы Дары будто ожили, поползли чёрными змеями вниз по плечам, груди и животу. Потух свет, и стало совсем темно. Девушка в испуге схватилась за распутавшиеся косы и только тогда поняла, что те отросли и стали, как прежде, длинными.

Чернава подобрала непослушными руками одеяло с пола, прикрыла голое тело.

Блекло мигал над кадкой свет, медленно разгораясь обратно.

Дара с удивлением разглядывала свои волосы.

— Спасибо, — проговорила она.

— Не меня благодари, — срывающимся голосом сказала Чернава. — А мышшь, что пряталась в углу, и эти растения, — махнула она рукой в сторону кадки. — Это они отдали свои силы ради твоей красоты.

Дара нагнулась, но не смогла ничего разглядеть в полумраке, тогда она приподняла бычий пузырь.

Травы пожухли, словно побитые морозом. Верно, мышь постигла та же участь.

— Ты творишь страшные чары, — по коже пробежали мурашки, словно сама смерть поцеловала её в лоб. Дара хотела сказать, что она не желала забирать чужие жизни ради заклятий, что она не желала иметь ничего общего с Воронами, но тут же вспомнила, как ловко Чернава одолела Охотников своим колдовством.

Стжежимир учил Дару ходить, молиться, говорить, но совсем не учил колдовать. В городе, полном Охотников, у лесной ведьмы не было никакой защиты, кроме лжи.

— Научишь тому, что ты сделала в Гняздеце? И что это было? Они корчились от боли и умирали, хотя ты их даже пальцем не тронула.

Чернава осталась довольна вопросом. Подтянув одеяло, она уселась поудобнее:

— В Совиной башне у меня был прекрасный учитель, его звали Станислав Дремота. Он умел насылать морок на десятки людей и заставлял их видеть грёзы наяву. Говорят, он даже умел читать мысли. Но меня он научил проникать в человеческие души и ломать их изнутри. Это я и сделала тогда с Охотниками.

— А остальное? Ты умеешь читать мысли?

Улыбка Чернавы вышла мечтательной. Серебряная прядь волос упала на глаза, и она отвела её тонкими пальцами. Старость уже коснулась её рук и шеи, смуглого лица и чёрных волос, но и теперь она была красива. Изнеможена и печальна, но красива, как увядающий летний день.

— Станислав как-то сказал, что во мне слишком много ярости и слишком мало нежности, чтобы дарить грёзы и проникать в мысли. Он считал, что мне место на поле боя, а не среди совета Башни.

— Так ты была в бою? На Трёх Холмах? — с замиранием сердца спросила Дара. Сколько сказок складывали о том сражении, сколько небылиц придумывали о невысказанных чарах, что творили чародеи в той битве. Дара и подумать не могла, что однажды, может, встретит кого-нибудь, кто был там на самом деле и видел всё своими глазами.

– Нет, Белун не отпустил меня, – Взгляд Чернавы прояснился и сделался таким чистым, как если бы всё горе минувших лет упало с её плеч и рассыпалось в прах. – Боялся за меня. И вот я здесь, а он...

– Белун?

– Мой муж, – губы дёрнулись, и растаяла улыбка. – Он... в отличие от меня он тогда пошёл на королевский пир. Мне опять повезло. – Она горько улыбнулась. – Помню, я была так расстроена. Вся Совиная башня отправилась на праздник к королю, а я осталась помогать Станиславу...

– Ты говоришь о Хмельной ночи?

Чернава кивнула.

– Они напоили их и заперли двери, чтобы никто не сбежал. А потом зарезали всех, кто смог пережить яд... я так и не нашла Белуна. Их всех скинули в одну яму... я пыталась, искала, но...

– Ты любила его?

– Как же иначе? – горько усмехнулась Чернава. – У нас не принято было заключать договорные браки. Мы, чародейки, вольны делать что хотим и любить кого хотим. Это манило нас всех в Совиную башню, особенно девушек. Мы не желали жить как простые девки, бояться родительского слова и порицания людей. Мы были сами себе хозяйки.

Взгляд её устремился в пустоту, куда-то в тёмный угол чердака.

– Конечно, – вздох прозвучал удивительно громко в ночной тишине. – Конечно, я любила Белуна.

– А после него ты когда-нибудь любила?

Чернава взглянула на Дару в сомнении, будто заподозрив неладное.

– К чему этот разговор? – хмыкнула она. – Есть дела поважнее. Я должна тебе сказать, что Морене понравился наш дар в Гняздеце, – Дара не сразу поняла, что Чернава имела в виду убитых Охотников. – Меня научили одной хитрости, но исполнить это придётся тебе. Сходи завтра ночью на кладбище и набери могильной земли, пройди

под городской стеной от кладбища по Мёртвой улице до Рыбачьих ворот, а за собой оставляй след из могильной земли. И когда с тобой заговорит первый встречный, то отдай его Морене.

Слова ведьмы пугали и путали, и Дара не сразу нашлась что сказать.

— Зачем это всё?

— Узнаешь, если сделаешь всё правильно.

— Как я должна отдать Моране человека?

— Так же, как отдала ей Охотника, — улыбнулась Чернава и потрепала Дару холодной рукой по щеке. Было мерзко, и хотелось отбросить руку прочь. — Не бойся, ведьма с мельницы.

Брови у Дары сошлись на переносице.

— Так не пойдёт, — отрезала она и поднялась, чтобы посмотреть на Чернаву сверху вниз. — Хочешь, чтобы я всё исполняла, слепо верила тебе и Здиславе, но объяснять ничего не собираешься? Я не люблю загадок и чужих приказов. Говори, зачем я должна это сделать?

Почему-то Чернава снова улыбнулась.

— Морена желает сломать защиту города, — призналась она. — Под Совином много подземных ходов, мы впустим в них духов.

У Дары перехватило дыхание. Она ушла в Совин, чтобы скрыться за его стенами от тварей Нави, а проклятые оборотни и их богиня желали всё разрушить.

— Нет, я на это не согласна.

— Нельзя спорить с Мореной, — голос у Чернавы изменился, в нём послышался страх, прежде не заметный. Даже когда их окружили Охотники, она казалась смелой, отчаянной.

— Отчего же нельзя? Лешего я до сих пор избегаю, буду избегать и вашу Морану. Ей не достать меня в Совине, — зло отрезала Дара.

— Хозяин Леса не имеет власти там, где царит камень и человек, но сила Морены в другом. Дарина, — Чернава ухватила её за руку, — Дарина, её сила в твоей крови. Если ты попробуешь сопротивляться, она убьёт тебя.

– Пусть попробует достать за стенами Совина. Скажи, зачем мне вообще теперь ей служить?

– Чтобы изгнать Охотников...

Дара старалась не думать о шраме на лице Веси, о спалённой хате в Гняздеце, обо всех жителях деревни, что погибли после.

– Стжежимир живёт в Совине много лет, и его не трогают. И он тоже хочет избавиться от Охотников, только для этого ему не нужна никакая богиня.

Чернава вцепилась ногтями в руку Дары так сильно, что та зашипела от боли.

– Стжежимир всю жизнь, словно крыса, прячется по углам, – смуглое лицо исказилось, и огромным, как клюв, показался нос. – Ты не сможешь скрываться вечно.

– Стжежимир теперь мой учитель, и я буду жить, как он, а поклоняться какой-то богине смерти не собираюсь. Да, я согласилась от отчаяния, но теперь, когда у меня есть выбор... хватит! – вскрикнула Дара и вырвала руку. – Улетай прочь и больше не показывайся. Ты ведь... ты ведь так уже однажды сделала, да?!

Из глаз Дары брызнули слёзы.

Чернава попятилась.

– Кто тебе сказал? Драган?

Дара бросила обвинение наугад, сама не веря, что попала в цель. Но теперь Чернава не смогла бы отречься от собственных слов.

– Значит, это правда?

Густым и вязким показалось молчание. Наконец, Чернава ответила:

– Я... – голос прозвучал хрипло, болезненно. – Не вини меня. Я никогда не хотела иметь детей. Мне просто нужно было заключить договор с лешим.

– Договор?!

Дара вытерла мокрое лицо ладонью. Чернава сделала шаг к ней навстречу, но девушка отшатнулась прочь.

– Я для тебя – договор? Моя жизнь – договор?!

– Дарина, не принимай это близко к сердцу. Я была в отчаянии. Я бы пожертвовала чем угодно и кем угодно,

чтобы отомстить, а ты... да я даже не знала тебя. Я выпила зелье для успешного зачатия и напоила им Молчана, чтобы наверняка получилось с первого раза. Мне было всё равно, кто родится. Просто младенец. Я знала, что лешему нужна новая лесная ведьма...

— Что ты получила взамен?

— Дарина...

— Что ты получила?!

Губы Чернавы дёрнулись, тёмные злые глаза сверкнули из-под ресниц.

— Силу. Хозяин позволил мне напиться из источника. Почти год я была такой же сильной, как лесные ведьмы.

— И что ты сделала с этой силой?

— Прокляла королевский род. Потомки короля все будут слабы телом и разумом и умрут в юном возрасте, — она не смогла сдержать полоумной улыбки. — После я наслала чуму на Совин, и тогда умерли тысячи и тысячи этих жалких неблагодарных сволочей, которые радовались, когда чародеев сжигали на кострах. А ещё я защитила Гняздец от чужаков так, что никто, не обладавший даром, не смог приблизиться.

— Но Охотники всё-таки нашли Гняздец...

Лицо Чернавы было непроницаемым. Дара догадалась без слов:

— Это ты привела Охотников.

— Мне нужно было подтолкнуть тебя. Ты не понимала всей опасности, ты до сих пор не понимаешь, что мы должны держаться вместе. Есть мы, а есть весь остальной мир, и он враждебен к нам. Дарина, пойми, что бы между нами ни случилось, мы должны...

— Уходи прочь, — всхлипнула Дара и прорычала с рождающейся яростью: — Уходи, пока не поздно.

— Дарина, я всё это сделала ради чародеев.

— Продала свою дочь, чтобы убить побольше людей? Это ты сделала ради чародеев?

— Я не продала тебя. Я сделала тебя самой могущественной ведьмой на свете! И в конце концов, я остави-

ла тебя не в лесу, а с родным отцом. Разве тебе было там плохо?

— Уходи!

На кончиках пальцев сверкнуло золото.

— Или хочешь, чтобы я принесла жертву Моране прямо сейчас? Так я сделаю это с удовольствием. Уж не принимай это близко к сердцу.

Чернава отступила назад, испуганная, ошарашенная. Она не сказала больше ни слова, сбросила на пол одеяло, обернулась вороном и вылетела прочь в окошко под самой крышей.

Слёзы застилали Даре глаза. Спотыкаясь, хватаясь за перила, чтобы не упасть, она спустилась по лестнице.

У Дары почти получилось поверить, что Чернава ей чужая, просто случайная встреча. Она хотела в это поверить, хотела ошибиться. Так было бы легче. Так было бы не так больно.

Всю жизнь она мучилась одним вопросом: почему? Почему её оставили?

Лучше бы она никогда не узнавала ответа.

Темнота зарябила, и голос раздался в тишине:

— Что случилось?

Милош развернул её к себе лицом.

— Ты плачешь?

— Неважно. — Дара попыталась освободиться, но он и сам отпустил её.

— Что случилось?

Шмыгая носом, Дара упорно молчала. К счастью, он не стал настаивать и добиваться правды, как ни в чём не бывало вдруг сказал:

— Стжемир хочет, чтобы мы пошли к Совиной башне. Собирайся.

Дара опешила.

— Сейчас? Ночью?

— Всё равно мы не спим. Ночь ничуть не хуже дня, может, и лучше. В темноте легче остаться незамеченными. И я уже всё равно не хочу спать.

— Я всех разбудила?

— Стжежимира, скорее всего, нет. Он спит как сурок, — ответил Милош. — А вот Горица устроит нам втык за ночные похождения, — Даре показалось, что он подмигнул, но она не смогла точно разобрать в темноте.

Ей хотелось остаться одной, но в доме целителя это было невозможно, и Дара рассудила, что тогда лучше все уйти подальше, пусть даже с Милошем. Так будет легче не думать.

— Мне нужно одеться.

— Мне тоже. Встретимся у входа.

И он быстро, почти неслышно поднялся по лестнице. Дара вернулась на кухню. К её счастью, Веся всегда спала так крепко, что её не мог разбудить ни храп Барсука, ни гул работающей мельницы.

На улицу Дара вышла, не дожидаясь Милоша, и осторожно прикрыла за собой дверь.

Медленно на землю, на крыши и на ступени крыльца опускался снег. В этот час на улице Королевских мастеров было тихо, безлюдно, только каменная морда у дома Пшемыслава Толстяка хмуро смотрела в пустоту. Дара покосилась на идола с опаской. Он был бездушным истуканом, но от одного его взгляда пробирала оторопь. Каменное изваяние невольно заставило вспомнить о домовинах на границе Великого леса. У них не было лиц, но они внушали тот же ужасающий трепет.

Позади чуть скрипнула дверь.

— У тебя отросли волосы, — Милош коснулся её растрёпанных кос, провёл ладонью по спине, но больше ни о чём не спросил и принял случившееся как данность. Верно, чародея таким сложно было удивить. — Пошли, — шепнул на ухо Милош. — Хотя я бы предпочёл полететь.

— Так, может...

— А потом будем бегать по развалинам гольшом? М-м-м, может, в следующий раз, в более тёплую ночь.

Он хорошо знал родной город. Милош двигался легко и спокойно, Дару же пугала путаница улиц и мрачные тени высоких стен. Она привыкла к полупустым деревен-

ским дорогам и крохотным резным избам, к ярким теремам Златоборска и широким его площадям, где пахло деревом и смолой, где под ногами лежали земля или дерево, а не камень и лёд.

И в Совине ей всегда было холодно. Рдзенские девушки носили зимой лёгкие, на взгляд ратиславки, накидки вместо тёплых тулупов, кожаные сапоги вместо валенок. Дара в рдзенской одежде промёрзла, казалось, до самых костей и удивлялась, что Веся была всем довольна.

— Это улица называется Звериной тропой, — прошептал Милош. Ночью любой звук разносился далеко. — Звериная тропа ведёт от ворот до Забытого переулка.

Верно, когда-то, очень давно, здесь и вправду пролегла звериная тропа. В те времена, что на берегу Модры стоял Великий лес, а озеро горело золотом, звери и духи ходили этим путём, пока люди не построили Совиную башню.

— Ты бывал там прежде? — негромко спросила Дара. Всю дорогу она настороженно оглядывалась по сторонам и старалась держаться поближе к Милошу.

— Давно.

Он свернул направо, и Дара последовала за ним.

— Это за стенами города?

— Нет.

Она заметила, как вдруг напрягся Милош, как внимательно стал смотреть по сторонам.

Угадать поворот, что вёл к Совиной башне, оказалось несложно.

За низкими домами, стоявшими в этой части города, не виднелось других крыш, но не было и крепостной стены. И кроме того, дальше не виднелось ни единого огонька. Честные люди не ходили к чародейским развалинам.

У самого поворота на стене, отделявшей Совиную башню от остального города, висел горящий пламенник, но свет его не мог прогнать тьму, что клубилась дальше в проходе.

Милош взял Дару за руку и прибавил шагу, нырнул в темноту, утягивая за собой.

- Там кто-нибудь бывает?
- Нет. Охотники не пойдут без повода к башне.
- Ты уверен, что за нами не следили? – Дара оглянулась через плечо и увидела на удивление ясно, как над пламенником кружили, тая, снежинки.
- Уверен.

Почему-то Даре не пришло в голову сомневаться в его словах.

Стоило им свернуть с городских улиц, как всё вокруг окутала тьма. Тогда Милош достал из-за пазухи небольшой хрусталь, похожий на ледышку, и тот засиял, освещая им путь. Дара переплела их пальцы. Руки Милоша были ледяными, но он единственный казался настоящим. Весь остальной город утонул в зимней ночи.

Каждый следующий шаг давался Милошу всё сложнее. Со времён Хмельной ночи он всю жизнь избегал развалин Совиной башни.

Только однажды он пришёл туда вместе со Стжежи-миром, когда тот помог ему обратиться соколом. Было тепло, тихо и на удивление мирно, как бывает, наверное, весенним днём на кладбище. Пусть и было всё вокруг мертво, но Милош не ожидал зла от обгорелых скелетов домов и разрушенных стен башни, теперь едва различимой среди развалин.

Но после, обращаясь соколом, он всегда издали наблюдал, как порастали травой и деревьями старые камни. Никогда больше он не приближался к бывшему своему дому. Да и воспоминания его размыло время, и теперь Милош не мог сказать, где именно стоял их с родителями дом. Был ли он далеко от озера или нет? Как часто в детстве Милош бегал к подножью башни, чтобы попытаться разглядеть её верхушку?

Спустя почти семнадцать лет он не мог узнать ни одной тропы, ни одной стены, ни одного дерева.

Милош злился на себя за проявленную жалость. Какое ему дело до слёз лесной ведьмы, до горя той, кто его про-

клял? Но между тем он повёл её к Совиной башне, надеясь, что Дара позабудет о своих бедах.

Зато он вспомнил о своих.

Порой Милош размышлял, почему никто не вернулся отомстить. Его учили скрывать свои мысли и чувства, и он прекрасно овладел искусством лицемерия и лжи. К чему врать, ему нравилась жизнь среди богатой знатной молодёжи, нравилось их веселье и распутство, но порой он смотрел на своих товарищей или, что хуже, на их надменных родителей, которые измазали руки по локоть в крови его семьи, соседей и товарищей по играм, и тогда он задавался вопросом: почему никто не убил их всех? Почему никто не отомстил дворянам и Охотникам за их преступления? Неужели не нашлось ни одного чародея, которому хватило бы на это сил и отваги?

Впрочем, он сам был не лучше. Вот он, благородный дурак – утешал девушку, проклявшую его.

Наконец из-за деревьев показались останки сгоревших домов. Совиная башня теперь больше походила на кладбище, но вместо могил вокруг неё стояли сгоревшие здания, каждое – как надгробный камень в память о том, кто раньше там жил.

Милош оглянулся и с досадой подумал, что на тропе остались видны следы. На их удачу, снег шёл всё сильнее, заматывая дорогу.

– Ты знаешь, где озеро? – спросила Дара.

Милош вынул из-за пазухи хрусталь и зажёл свет. Дальше вряд ли имело смысл скрываться. Вокруг было безлюдно. Он повёл Дару к Совиной башне, хотя и сам смутно помнил дорогу. С высоты птичьего полёта всё казалось иным.

– Ты представляешь, что мы можем здесь найти? – раздался за спиной голос Дары.

Оглядевшись вокруг, Милош с обрушившимся разочарованием признал:

– Ничего.

– То есть?